

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Лихая звезда

Даля Трускиновская

Лихая звезда

«Издательские решения»

Трускиновская Д.

Лихая звезда / Д. Трускиновская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851231-5

История про то, как город оккупировали банды вампиров, ведущие между собой кровавые, а как же иначе, разборки, и про то, как с бандами справился обычный шофер маршрутного такси. Хотя повесть Далии Трускиновской «Лихая звезда» населена всяческой нечистью, но ее герои вполне узнаваемы! А читать эту лихо закрученную историю очень увлекательно и забавно, хотя и жутко...

ISBN 978-5-44-851231-5

© Трускиновская Д.
© Издательские решения

Содержание

Лихая Звезда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лихая звезда

Даля Трускиновская

© Даля Трускиновская, 2017

ISBN 978-5-4485-1231-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лихая Звезда

Последний задремавший пассажир был разбужен и выставлен уже на кольцо. Там стояли четыре машины – все желтые и размалеванные рекламой. Шофера курили под фонарем – ждали, пока подъедет Арчи.

– Ты когда завтра на маршрут выходишь? – спросил Антон Серегу. – Если я в семь тридцать, а Сашка – в семь сорок три, то следующий – Рома, а ему с утра к врачу, кровь сдавать натошак. И получается, что в восемь ноль пять выходить некому, вот, смотри...

Он показал нарочно прихваченное расписание в целлофановом кармашке, где пометил свой собственный график зеленым фломастером, аккуратными кружочками.

Антон очень любил не просто порядок соблюдения, а красиво его соблюдать. У него и в машине все было по уму – коробка с походным инструментом опрятная, чехол на сидении и занавеска, отделяющая от салона, подобраны по цвету. Толковый был мужик, что и говорить, притом без занудства, умеющий любое недоразумение с графиком уладить так, что все довольны.

– Тогда я могу выйти в восемь десять и потом на кольцо подождать, – предложил Сашка. – Он же к половине девятого уже вернется?

– Залезайте, – позвал Арчи. Он в очередь с Петровичем развозил товарищей по домам – во втором часу ночи транспорт не ходит, а на такси денег не напасешься.

Желтая маршрутка, уже без номера, понеслась по ночным улицам. Арчи остановил ее у нужного подъезда. Это было совсем не вовремя – у шоферов как раз завязалась очень полезная беседа о ремонте правой двери, которую сволочи-пассажиры чуть ли не с корнем вырывают.

– Ну, пока, – сказал Антон и выскочил на тротуар.

Маршрутка унеслась.

Спать оставалось – всего-ничего, но зато следующий рабочий день был последним, а потом – двое суток совершенно свободны. Они были назначены для рыбалки – хорошей, полноценной рыбалки.

Шоферить на маршрутке Антону нравилось – публика садилась приличная, не склочная, с иными и разговор затевался приятный. И можно было по-всякому химичить с графиком, меняться, выгадывать несколько выходных подряд. Ему пришлось по душе эта арифметика; комбинируя, он ощущал себя асом, ловил кайф от причудливых, изысканных и точных решений.

Он, проведив взглядом маршрутку, уже предвкушал поздний ужин – большой бутерброд с сервелатом, кружку горячего чая с вареньем. И – спать, спать, спать! Антон, к счастью, умел засыпать сразу, только ткнувшись носом в подушку. Чего не досыпал ночью – добирал на работе, когда выходили получасовые паузы.

Подъезд был с кодовым замком. Антон нажал первую кнопку и услышал топот. Какой-то дядька, выскочив из-за угла, неся к нему с хорошей спортивной скоростью.

Понимая, что дядька бежит по каким-то своим неотложным делам и обращать на него внимание не надо, Антон нажал две следующие кнопки и толкнул дверь. В этот самый миг дядька, поравнявшись с ним, толкнул его в дверной проем и сам прыгнул следом.

Дверь захлопнулась.

Антон был крепкого сложения и духом не слаб. В молодости немало дрался; убедился, что побеждать страх и терпеть боль может не хуже любого иного сильного мужика, и угомонился, тем более, что приспела пора жениться. Брак не заладился, жена заболела манией величия – бизнесмена ей подавай! И ушла-таки к бизнесмену – этот Асаф держал на сосед-

нем базаре прилавки с зеленью и орехами. Антон остался один, но знал, что это – ненадолго, вокруг вертелись свои же, таксопарковские дамы.

Так что он повернулся к странному дядьке с намерением разобраться и заранее сжал кулаки.

– Тоха, – сказал запыхавшийся незнакомец. – Не узнал? Да я же это!..

В дверь забарабанили.

– Кто – ты?

– Да Миха же... узнал? Нет?

– Миха? Васильев?

– Ну?!.

– Миха! Ох ты... А я думал, ты в Грецию слинял, что-то такое говорили...

Антон распахнул бывшему однокласснику объятия, но тот отстранился.

– Потом, потом. Пошли к тебе.

– Кто это тебя гонял?

– Да так, одни... Я у тебя до рассвета посижу. Ты во сколько встаешь?

– Рано. За мной в без четверти семь заезжают. Так что извини – я сразу спать лягу.

– И хорошо. Я уходить буду – дверь захлопну.

– Уходить?

– Да, где-то в шесть.

Те, что барабанили, образумились и пропали.

– Идем, – сказал Антон.

Миха явно был сильно напуган – попросил свет на кухне не зажигать, чтобы с улицы не засекли окно. Чай пили наощупь. Антон рассказывал о работе, об однокласснице Танюхе, которую вез как-то через весь город, так что вдоволь с ней наговорился. Миха как-то больше отмалчивался. Сказал, что работал в охранной фирме, там случились непонятки, часть охранников попросили уйти; потом работал телохранителем у какого-то банковского клерка, страдавшего, наверно, манией преследования. Но от кого и почему удирал – не признавался. Потом же и вовсе выдал:

– Тох, у тебя спальня изнутри запирается?

– Нет, а че?

– Плохо. Ну, ты что-нибудь придумай. Стулья, что ли, перед дверью поставь... или вот! Тахту подтащи. Пусть тахта дверь держит.

– Это еще зачем?

– Надо.

– Думаешь, эти твои вломятся? Так нам тогда лучше вдвоем в спальне лечь. И забаррикадироваться.

– Нет, в спальне будешь ты один. Не спорь. Так умнее.

– Блин, ты в своем уме, Миха? Ночью тахту к дверям тащить, потом от дверей!

– Сделай, как я сказал. Так надо, понимаешь, надо! Так – надо! И вот что...

Миха снял с шеи шнурок, на шнурке висела черная флешка.

– Вот это возьми, спрячь. Если я... если, ну, ты понял... В общем, никому не отдавай. И сам туда не заглядывай. Уничтожь.

– Да ты в ЦРУ, что ли, завербовался?

– Хуже. Ну, иди, ложись. Только дверь завали чем-нибудь. А я – тут, на диване. В шесть, если все будет хорошо, уйду.

– И меня разбудишь?

– Ну, разбужу.

– И мне в шесть утра баррикаду разбирать?

Антон уже начал сердиться.

– Слушай, так надо, – Миха был неумолим. – Я в шесть уйду, и ты меня никогда больше не увидишь. Не могу я тебе ничего объяснить, понимаешь? И давай ложиться, а то ты вообще не уснешь. Оно тебе надо?

Словом, уговорил.

Антон подтащил тахту к двери, открывавшейся в спальню, загородил проем и уложил на ту тахту девяносто восемь кило веса. Будильник он поставил на без пяти шесть.

В это время в спальне еще было темней, чем у негра в желудке. Проснувшись от гнусного писка, Антон зажег свет и оттащил тахту. Потом он распахнул дверь.

Миха уже встал с дивана, зажег на кухне свет, чтобы вскипятить воду для кофе, и как раз стоял лицом к этой самой двери. Тут-то Антон и увидел наконец его лицо.

Оно раздалось вширь, поросло страшным черным волосом. И ноздри разъехались, и углы рта. Губы у Михи сделались лилово-красные, будто намазюканные помадой. Из-под верхней напоздали на нижнюю два желтоватых клыка.

Антон не мог бы объяснить, как у него в руке оказалась табуретка. Вроде стояла у самого шкафа – и сама в руку прыгнула, что ли? Он замахнулся и застыл, готовый сию секунду треснуть Миху по голове.

– Ну вот, – сказал тот. – Теперь ты знаешь. Дурак я... надо было сразу уходить, а теперь...

– Эт-то что т-т-такое?... – спросил Антон.

– Влип я, Тоха. Я, честное слово, не хотел, чтобы ты знал! И дверь тебе велел закрыть... ну, мы же за одной партой сидели...

– А если бы я не задвинул дверь тахтой?

– Ох, не спрашивай... Когда накатит – ничего не соображаешь, а я третий день в дороге... нельзя было, понимаешь, я держался. Если бы увидел тебя спящего – мог и не сдержаться. Ты прости.

– Уходи, Миха, – сказал Антон. – Уходи, Бога ради. А то и я не сдержусь.

– Да бей хоть кувалдой. У меня теперь череп в пять сантиметров толщиной, наверно. Только если разозлишь – плохо будет. Мы ведь действительно теряем соображение. Опомнишься – пасть в крови, у ног покойник... Спасибо тебе за все – и кинь мне флешку. И пойду я.

– Как же ты? – не решаясь опустить руку с табуреткой, спросил Антон. – Как ты живешь с этим?

– А знаешь, неплохо живу. Раньше у меня перспективы не было – ну, охранник и охранник, на старости лет в сторожа бы пошел. А теперь у меня перспектива, если не буду клювом щелкать. Я уже себя зарекомендовал. Справлюсь с заданием – пойду на повышение.

Это звучало сильно загадочно.

– Ты иди, Миха, а флешку я тебе в окно кину. На тебя смотреть страшно.

– Ты меня больше не увидишь. А что помог – погоди...

Миха полез в карман, достал какой-то кожаный мешочек, высыпал на стол монеты, отделил две, остальное припрятал.

– Это золото. У нас между собой расчеты только золотом. Мы в расчете?

– В расчете, – ответил Антон, не сводя глаз с Михиной физиономии. Насчет пяти сантиметров вампир, наверно, приврал, но все равно – поди разбери, что там под торчащей волосней.

– Ты не обижайся. Ну, удачи!

С тем Миха и вышел из квартиры.

Антон приоткрыл окно и бросил ему флешку. Флешка была ловко поймана в кулак, шнурок накинут на шею. Теперь можно было прилечь еще на час.

Заснуть Антону удалось без четверти семь. А без пяти, разбуженный звонком, он чувствовал себя снятым с виселицы висельником – ноги подгибаются, глаза не открываются, руки не слушаются, тело куда-то влечется помимо рассудка. Хорошенькое начало рабочего дня...

На автозаправке он влил в себя чуть ли не поллитра крепкого черного кофе. Тогда только малость пришел в чувство.

В половине второго ночи, оказавшись дома, он отключил телефон и завалился спать с намерением проснуться ближе к обеду. Ни о какой рыбалке речи уже не было – рыбалка требует умиротворенно-созерцательного настроения, чтобы побудка ни свет ни заря – и та была в радость. Антону же казалось, что обрадовать может лишь одно – двенадцать часов полноценного сна.

Поскольку он был мужик хозяйственный, то мог не выходить из дому в выходной – продуктов в холодильнике хватило бы на несколько дней. Так что в первый он просто спал, ел и смотрел боевики. На следующий день вздумал заняться хозяйством – накопилось всяких прорех. А вот к вечеру решил все же прогуляться до «Финетты». Это было занятное местечко с живым нефilterованным пивом, куда заглядывали хорошие знакомые – дядя Леша из мебельного магазина, Толик из поликлиники, Тищенко из пиццерии. Там и женщины появлялись – любительницы пива, но не поодиночке, а с подружками. Кое с кем можно было договориться и продолжить общение в иной обстановке – с Верочкой, скажем, которая уже года три была Антону доброй приятельницей, или с Ксаной.

– Тох, не оборачивайся, – прошептал дядя Леша, когда они уже с четверть часа просидели у стойки. – Тебя пасут...

Антон аж подскочил на круглом высоком табурете.

– Кто?!

– Тихо. Две классные телочки. Я их тут еще не встречал. Прямо затылок тебе сверлят.

– Мне?!

– Ну, не мне же. На кой я телочкам сдался?

Дядя Леша напрашивался на комплимент: ну, ты еще о-го-го! В свои пятьдесят шесть он был крепким дядькой без малейших признаков лысины и даже почти без морщин – с годами лицо стало рельефнее, и только.

Антону было очень интересно – кто бы мог им заинтересоваться? Он встал и прошел в туалет – только для того, чтобы, возвращаясь, окинуть быстрым взглядом телочек.

Они впечатляли!

Одеты обе были почти одинаково, в облегающие черные костюмчики с коротенькими жакетами, в белые блузки с защипами на груди. Обе носили маленькие галстучки – этакое элегантное ретро. Прически у них тоже были стильные – у одной короткая стрижка с нарочно оставленной длинной прядью, выложенной надо лбом волной, а у другой каре совершенно геометрической формы, с острыми уголками, доходящими почти до рта. И губная помада у телочек – одинаковая, очень темная...

Таких – с безупречной кожей, с идеальным макияжем, с безукоризненным маникюром, – Антону доводилось видеть только на обложках толстых гляцевых журналов. Подружки, бегавшие в «Финетту», были куда как попроще. И он, как только что дядя Леша, задал себе разумный вопрос: «на кой я телочкам сдался?»

– Не звать же их к нам за стойку?... – неуверенно спросил он дядю Лешу.

– Захотят – сами придут.

И точно – рядом с высоким табуретом Антона был один свободный, и телочка с длинной прядью вскоре на него взобралась. Антон ощутил головокружительный аромат – такой, что глаза сами закрываются, а губы, наоборот, приоткрываются.

В «Финетте» наливали главным образом пиво, хотя в витрине за спиной у бармена Кости стояла целая коллекция причудливых бутылок – виски, джин, бренди, коньяки всех стран и народов. Телочка изящным пальчиком указала на «Реми Мартен», потом отчеркнула коготком на фужере, сколько налить. Взяв фужер в нежную фарфоровую ручку, повернулась к Антону и посмотрела ему в глаза.

Что было дальше – он плохо помнил. Что-то буркнул дяде Леше, сполз с табурета, наугад достал из кошелька бумажки и, не считая, положил на стойку. Телочка пригубила коньяк – вот только губки у нее были сомкнуты, и хотя жидкости в фужере стало чуть меньше, было непонятно – всасывает она коньяк, что ли? Потом она, не размыкая губ, улыбнулась Антону, и он понял: все, пропал...

Такого с ним отродясь не бывало.

Когда он открывал дверь, чтобы пропустить телочку, она быстро к нему прижалась. Антона обожгло, он только не понял – жаром или холодом. Руки сами вцепились в телочкины плечи, и Антон чуть было не начал целовать свое подозрительное приобретение при всем честном народе. Да и красавица была не против, но рядом оказалась ее подруга, чьи черные сверкающие волосы облегали головку бесподобным каре. Подруга чуть ли не оттащила телочку и прошипела какое-то сердитое слово – но ее лицо осталось неподвижным.

На улице было уже темно. Антон, подхваченный с двух сторон красавицами, влекся домой, не чуя под собой ног. Его хмельная голова парила в ароматных облаках.

Он нажал на кнопки кодового замка, телочки проскользнули первыми. Потом он открыл дверь своей квартиры, и они мигом оказались внутри. Антон задумался – вроде бы ему нужна только одна, что же делать со второй? Но размышления оказались короткими и бесполезными.

Он обнаружил себя на тахте, приходящим в чувство после долгого поцелуя. Голова кружилась, нижняя челюсть отправилась в автономное плавание. А гости шелестящим шепотком переговаривались:

– Под шкафффффом понюххххай....

– ЧШШШШШШ...

– За шшшшшсторами?..

Над Антоном нависло бледненькое личико.

– Не трожжжжж, ишшшшшшшшшш... – донеслось из угла.

Но личико приблизилось и темные губки наконец приоткрылись.

Антон не назвал бы это настоящими клыками – зубки были заточены под кошачьи клыки-иглочки, тонкие и длинные, сверкающие острыми граням. Это были подлинные произведения искусства – как и все во внешности телочек. Если бы перед первым и роковым поцелуем Антон не закрыл глаза – то раньше увидел бы кошачьи клыки, испугался и хотя бы заорал. А сейчас у него не было даже сил пошевелиться.

– Ссссааа выпьешшшшшь? – спросила клыкастая очаровательница незримую подругу.

И тут в окошко влетел камень.

Звон стекла несколько взбодрил Антона. Его даже хватило на то, чтобы скосить глаза туда, где вываливались из разбитого стекла острые осколки. И он почти не удивился, увидев в дыре голубоватую рожу.

– Кажись, не опоздал, – басом сказала широкая щекастая рожа. – А ну, кыш отсюда! Вот я вас! Ишь! Разлетелись!

Разборка с телочками была вне поля зрения Антона. Он только слышал визг и шлепки, надо полагать – оплеухи. Наконец телочки отступили и сбежали.

– Ф-фух! – сказал спаситель. – Дай-кося я к тебе присяду. Вот славно, что успел. Глядишь, и впрямь бы выпили.

Антон беззвучно произнес «спасибо», но был понят.

– Ты полежи и, главное, не бойся, – спокойно говорил гость. – Я сытый. Нарочно, выходя в дозор, поужинал. Я вот почему приперся-то. Мне флешечка нужна. Девки-мурки ее не нашли – и чудненько. А мне ты ее отдашь. Ты ведь парнишечка неглупенький. Молчи, не напрягайся, я сам все за тебя скажу. Майкл, когда просил тебя флешечку получше спрятать, не сказал, что там на ней записано. А он ведь – гонец, он ее по тайному дельцу нес. Только выследили дурачка. Так что отдай, будь ласков, потому что Майкл за ней уж не вернется. Выпили, сволочи, нашего Майкла... и съели... А флешечки при нем, видать, и не нашли... Но мы не лыком шиты, мы их гонца изловили, и он сказал, что Майкла до твоего дома гнали, а вот от тебя он утречком ушел уже без флешечки... Так-то... Спорить ведь не станешь?...

– Я... ему... ее... отдал... – еле выговорил Антон.

– Непонятно выходит, дружок. Если ты ему ее отдал – то отчего же они, когда дурачка нашего завалили, при нем ее не нашли?.. – тут гость задумался. – Вот что, покормлю-ка я тебя. А то, вишь, совсем дохлый. Будешь знать вперед, как с мурочками целоваться. Мурочки – они хитрые и нашего брата ловят – квакнуть не успеешь, как ты уж и выпит...

Хозяйничал гость быстро, споро, толково. Разом поспели яичница, бутерброды с колбасой, горячий и крепкий чай. Подперев Антона подушками, гость выпоил ему с полкружки сладчайшего чая, и тогда только Антон обрел способность жевать.

Поскольку спаситель, в свете явно не нуждавшийся, ради Антона включил люстру, то можно было разглядеть его во всех заковыристых подробностях. Желтоватый свет, упав на голубоватую рожу, вовсе не сделал ее зеленой, напротив – она обрела те белизну и сочный румянец, какие свойственны добрым молодцам на картинках в детских книжках с русскими сказками. Голубизна, впрочем, кое-где осталась – на висках, под ушами. Нос был репкой, улыбка – от уха до уха. На правой щеке и подбородке – шрамы, как от когтей. В левом ухе – золотая серьга кольцом, сантиметров пяти в поперечнике. Волосы, расчесанные на прямой пробор, оказались соломенного цвета и вились на концах. Широченную грудь облегал цветастая косоворотка, подпоясанная не кушаком, а тонким тросом, намотанным в дюжину витков, а с концов свисали прочные крюки (тут Антон понял, как спаситель добрался до окна). Еще за трос были заткнуты узорные рукавицы. Руки у него были такие, что ладонь накрыла бы большую блинную сковородку. На среднем пальце левой сиял перстень, лазоревый камень в нем был – с перепелиное яйцо.

– Это – стиль, так велено, – объяснил спаситель, глядя, как Антон на него таращится. – За него большие деньги плачены. Мы и в баню с вениками ходим, и медовуху пьем. Все по уму. А теперь, соколик ты мой сизокрыленький, давай вспоминай, куда флешечка подевалась.

– Флешку Миха мне точно давал на сохранение... – и Антон рассказал ночные приключения. – А потом я бросил ее в окошко, он поймал и убежал. Мне-то она на кой?

– Одноклассник, говоришь?

– Одноклассник.

– А школа – которая?

– Сорок седьмая.

– Это где же?

– Напротив памятника Семяцкому.

– А, понял. Такая дурацкая, с колоннами?

– Она самая.

– Ты тут всегда жил?

– Как из роддома привезли.

– Ага... – спаситель задумался. – И Майкл где-то поблизости жил?

– А он – в пятиэтажке возле трамвайной остановки. Там внизу аптека...

– Понял. Дай-ка ручку и бумагу.

В Антоновом хозяйстве, кроме туалетной, бумаги не водилось – на кой она? – а ручку отыскивали в ящике кухонного стола. Гость на уголке газеты с кроссвордами набросал план местности. Миха и Антон в те блаженные времена жили в одном квартале, только на противоположных углах, и, бегая друг к другу дворами, пересекали этот квартал по диагонали. Это и требовалось гостю.

– Вот тут Майкла подняли, – он ткнул авторучкой в середину квадрата. – Флешечки при нем не было. Значит, коли ты не врешь, он от нее избавился где-то здесь...

Авторучка обозначила отрезок от въезда в детсадовский двор до старых гаражей.

– Выходит, так... – согласился Антон. – Но какого лешего ко мне эти две гадины прицепились? С чего они взяли, будто Миха флешку у меня оставил?

– Мурочки?

– Они же флешку у меня искали! Или нет?

– Так мурочки-то в этом дельце сбоку припека! – загадочно объяснил гость. – Это наши разборки с вампами. Договор два года готовили. У них там сэр Роджер – умнейшая голова! Его не надуришь... По Интернету-то присылать опасно – нямищи поганые могут отловить, а документ важнееющий! Вот гореловские вампы к нам проект договора с Майклом послали. Дружок твой у вампов на хорошем счету был, да... уже лет шесть, как завербовали... боец был, боец!.. Мы выходили его встречать, но он на нямов нарвался, удирал от них, заскочил к тебе. И нямы его караулили до самого утра. Кто ж знал, что они теперь света не боятся? И выпили, и съели... И вот теперь вопросец отменный: это нямы мурок подослали флешечку у тебя забрать, или мурки свою игру завели? А, соколик?

– Я откуда знаю?!

– Да, знать тебе неоткуда, – согласился гость. – Но я так гляжу, ты в этом дельце спешествовать нам можешь. Предлагаю уговор – ты вот тут, на этих задворках, помогаешь отыскать флешечку, а мы тебе за это – золота три червонца и охранный талисман, чтобы никто из конгрегации тебя никогда и пальцем не тронул, а не то чтобы выпить. Работенка с тебя потребуется небольшая, и днем ты там, на задворках, можешь шастать безопасно, а три червонца на дороге не валяются. Найди флешечку! Ведь, коли мурки за ней прибежали, то, статочно, нямам она не досталась?

– Кто такие нямы? – наконец догадался спросить Антон.

– Мерзость и гадость, – сразу ответил гость. – Узнать их легко – они все время бормочут что-то вроде «ням-ням-ням». Вампы – племя древнее и почтенное, они пьют понемногу, все не выпивают, отпускают человека. А нямы – и кровищу всю высосут, и еще печенкой закусят. Вот те и «ням-ням-ням»! Думаешь, что они сделали с Майклом? Он – вамп, его кровь им не по вкусу, так удавили и печенку сожрали, сволочи!

– Ни фиги себе нямы... – пробормотал изумленный Антон.

– Они хотят, чтобы их нямпирами называли. А сами – людоеды! Им не энергия нужна, а печенки кус! Энергия, соколик, она в крови... А им кровь – ну, как тебе пиво, – объяснил гость. – Они от нее балдеют, и ничего кроме. Ну, больше тебе про сволочей и знать незачем. Довольно того, что они дружка твоего... Ну?

– Что – ну?

– Соглашаешься на три золотых червонца и талисман?

– Соглашаюсь! – заорал Антон.

– Вот и славненько! Сегодня же пойдешь и поищешь все давние Майкловы захороночки. Если он, удирая по знакомой местности, понял, что – беда, то ведь мог в захороночку сунуть флешечку, а, соколик?

– Мог! Я что, спорю?! – Антон принялся не то что ходить, а носиться по квартире, стучась о косяки и тормозя о стенки. – Ты что, совсем сдурел?! Ясно же сказано – буду искать! Нет, ты просто идиот какой-то!

Схватив со стола чайную кружку, Антон шваркнул ее об пол, осколки взлетели чуть не к потолку.

– Тихо ты, тихо... – зашипел гость.

– Что ты на меня орешь?! – вызверился Антон.

– Ахти мне! Понял! – и гость рухнул на колени. – Прости дурака! Ох, прости! Вперед таков не буду! Говорили мне начальники: жри, Герваська, от пуза, чтоб из ушей полезло! А я, шпынь ненадобный, поклевал, как птичка! Вот и не выдержал – сам не заметил, как жрать пристроился! Прости дурня бестолкового!

– Какая птичка, что ты несешь? – в необъяснимой злобе заорал Антон.

Гость вскочил с колен и выметнулся из квартиры.

Антон еще немного пометался, матерясь и круша имущество. Потом плюхнулся на тахту, вновь ощутив невероятную усталость. Глаза его сами закрылись – и наступил черный сон без единого проблеска видений.

Этот сон длился, как потом оказалось, минут сорок. Очнулся Антон от легкого похлопывания по щеке. Приоткрыл один глаз и увидел широкую рожу недавнего спасителя.

– Простил? – с надеждой спросил тот.

– За что?..

– За то самое... Ты меня вперед не бойся! Я, к тебе идучи, буду наедаться, чтоб за ушами трещало! – пылко пообещал спаситель. – А посуду тебе новую куплю. И дверь на петли я уже посадил, и стул починил...

– А что со стулом?

– Ты его в стенку запустил.

– Я что, умом тронулся?

– Вроде того. Понимаешь, в каждом человеке есть спокойствие. Вот коли тебя комар укусит, ты его пришлепнешь и дальше живешь, так? Это оттого, что в тебе спокойствие. Это вроде вещества такого, его когда-нибудь научатся выдаивать и лекарство делать, вроде валерьянки, только куда как покрепче. Мы его попросту бромом иногда называем. А когда его в тебе нет – ты комара пришлепнешь, и заорешь, и всех поблизости гнилыми словами покроешь, и убежишь неведомо куда, и все свои беды за сорок лет припомнишь, и будешь этак чудесить, покамест в тебе новое спокойствие не вырастет. Понял? Так что прости дурака Герваську!

– А ты-то тут при чем?

– При том – мы же спокойствием питаемся. Мы оттого такие спокойные, что в нас его тройная, а то так и четверная доля.

– Кто – мы?

– Да бромпиры же... Бромпир я, Гервасий Архипович. Ты уж прости, что я ненароком из тебя спокойствие высосал. Посуду куплю, да... шкафчик на кухне уже повесил и дверную ручку заново приставил... все убытки покрою...

– Гервасий Архипович, – ошалело повторил Антон. – А почему я ничего не помню?

– Потому что не положено. Пока спокойствия нет, память сбоит или даже вовсе отключается. Управляться с ней – привычка нужна. Давай-ка я тебе постельку приготовлю. Ночного-то зрения у тебя нет, искать, значит, будешь с утра. А червонцы – вот они, на столе.

– С утра мне на смену.

Пришлось объяснять Гервасию сложный график маршруточных шоферов.

– Значит, поменяйся с кем-нибудь, нешто три червонца того не стоят. Купи дежурство, что ли, – посоветовал бромпир. – Ты еще поучись спокойствие в себе выращивать. Наука

несложная, а пригодится. Я тебе преподам. Спокойному и врать сподручнее, никто про вранье не догадается.

– Нет, с утра я за руль сяду. Днем с ребятами побазарю, высвобожу себе послезавтрашний день.

– Уже завтрашний. Ладно, как знаешь. Тебе из-за наших дел с начальством ссориться ни к чему. А талисман я потом принесу, его еще заказывать надо. И не столь талисман, сколь коробку для него. Я-то голыми руками его брать не могу, и даже сквозь одеяло жжется. А теперь слушай, Антон Игоревич. За твоим домом наверняка следят. Мурочки хитрые, наладили дозор. Сделай так, чтобы за тобой с утра ну хоть такси прибежало, что ли. Один на улице лучше не оставайся. И сам в дом никого не пускай.

– А если они, пока меня нет, вломаются?

– Не вломаются. У тебя на кодовом замке знак Лихой Звезды. Если его не нажать – замок не откроется, а для мурок Лихая Звезда – хуже смерти.

– Точно... – Антон вспомнил четырехзначный код: три цифры и пунктирная звездочка.

– Да и нам, бромпирам, лучше за нее не хвататься.

– Но, выходит, все замки с кодом – того? Противовампирные?

– Выходит, так. Это, соколик, называется «роковая случайность» – какой-то дуралей, эту звездочку сочинивши, и не ведал, что она – талисманский знак. Ну, пойду я.

– А тебе не опасно одному ночью шастать?

– Опасно. Ну, одного-то ням я уделаю. Ну, двоих сокрушу. Вряд ли трое сюда прибегут, хотя... Мурки проклятые могла с перепугу целый корволант вызвать, если только они в этом деле с нямками заодно, а не свою игру затеяли.

– Что?

– Корволант. Летучий отряд. Хотя ты, соколик, прав...

Гервасий достал из кармана мобильник.

– Анфиска? – позвал он. – Я на Матвеевской, да... все так и есть... две мурки, будь они неладны... Кто в штабе? Ох... Хотя драмнюки – они хитрые... Скажи – пусть выйдут меня встречать. Нет, флешечки пока нет. Но мы ее, скорей всего, получим. Если не вмешаются трамы. Ну, сколько раз тебе повторять?! Трамы, я так понимаю, еще не решили, на чьей они стороне! А решат, когда поймут, кто одолевает! Что? Нет, я думаю, они за нами следят... Ну вот просто молчат и следят... С чего ты взяла, будто я их боюсь?! Прощевай, касатка!

Антон слушал и понимал, что близится конец света – город захвачен странными и страшными тварями, они выясняют отношения, жрут друг друга, и скоро даже днем опасно будет выйти на улицу.

Гервасий подошел к открытому окну.

– Вот так-то умнее будет, – проворчал он. – До трубы по карнизу – и преисправненько по ней сползу. Антон Игоревич, ты мне посвети, а потом окошко подушками заткни. И на подушках Лихую Звезду точками намалюй, ну хоть кетчупом, что ли. Тогда никто не просочится. Завтра я тебе позвоню.

– Ты знаешь мой номер? – ошарашенный событиями Антон уже во всякой мелочи видел чертовщину.

– Пока ты без памяти валялся, я с твоей мобилы на свою позвонил.

Выпроводив в окно Гервасия, Антон пошел за кетчупом и старательно изгваздал подушки. Потом заткнул разбитое окно и лег в постель. Сон долго не шел, а когда пришел – показал вампов с клыками, нямов с печенкой в зубах, мурок в сетчатых чулках и кружевных трусиках, бромпиров с балалайками, драмнюков в камуфле и трамов, сильно похожих на муравьедов.

Утром он вызвал такси и, выходя из дому, постарался внимательнее разглядеть звездочку. Оказалось, каждый луч из шести – всего четыре точки, пятая – острие, а не шесть, как

он с перепугу изобразил кетчупом. Оставалось только предположить, что, как кашу маслом не испортишь, так и магию – избытком кетчупа.

На маршруте ему пришлось тяжело – в каждом плечистом детине, да еще с неприятной физиономией, он подозревал ням. Наконец догадался – ведь если Гервасий звонил с его мобильного на свой, то номер бромпира должен был остаться в памяти. На кольце, отойдя от своей машины вроде как к мусорнику, сигаретную пачку выбросить, он позвонил ночному спасителю.

– Как до своих добрался? – из вежливости спросил он.

– Ох, и не спрашивай. Нямов было четверо, я оторвался, а драмнюки меня втроем встречали. Четверка на четверку – они поворачали, но в драку не полезли.

– Они до меня днем не доберутся?

– Нет, днем точно не доберутся. На рассвете еще могут кое-как, на закате, когда солнышко уже наполовину за окномом, вылазят. Такой свет они терпят. Ты бди! И вот что – не все драмнюки тебя в лицо знают. Кто-то может прицепиться. Ты, соколик, продикуй номер своей машины, я предупрежу, чтобы не связывались.

– Драмнюки днем тоже могут?!

– Так они только днем и промышляют. Ночью-то у них добычи мало. Я тебе отзвоню потом, сейчас главное – получить акцепт от Анкудина Прокопьевича и формально взять тебя под охрану.

– Так ты этого еще не сделал?! – возмутился Антон, но бромпир уже отключился.

Как Антон доработал смену – он и сам не мог понять. Каждый пассажир ввергал его в трепет. Он ждал явления ужасных чудищ и внутренне был готов к драке. Но самое страшное было – когда хорошенькая шестнадцатилетняя девочка, нежнейшая блондиночка, заспорившая с ним было о сдаче с сотенной бумажки, вдруг схватила за верещащую мобилку и сказала в микрофон:

– Да, я, да, да... Точно? Герочка, я на номер не посмотрела, но если это он... – девочка пристально глянула на Антона и выпатила взглядом приметку, отсутствие на правом мизинце крайней фаланги. – Он?! Ой, остановите вот тут, я сойду!

Тут только Антон понял, кто такие драмнюки.

Он несколько раз наблюдал в своей же машине отвратительные сцены: какой-нибудь дедок заведет с женщиной склоку из-за того, что ее мешок с продуктами ему больное колено задевает, раскочегарит бедолажку, доведет буквально до поросычьего визга и выскакивает довольный, а женщина еще шесть остановок воздух ртом ловит и за сердце держится.

И ведь не верил же, не верил Сереге, утверждавшему, что склочный дедок или бабка – сущие вампиры, выпивающие жизненную энергию! Думал, дурацких книжек Серега начался! А оно – вон оно как...

Диспетчер Лара, видать, давно уже положила глаз на Антона. И чего ж не положить – видный и свободный, из семьи увести не придется, пьет умеренно, в безобразиях не замечен. А Ларе тридцатник, крайний срок детей рожать. Она и не знала, что вылезла со своей инициативой очень кстати, – ей показалось, что у Антона достаточно расстроенный и бестолковый вид к концу смены, так что атака должна быть удачной.

Лара взялась за дело просто и незатейливо – напротив командного пункта маршрутных такси, где сидели начальство, бухгалтерия, диспетчеры, а во дворе хозяйничала ремонтная бригада, был супер-пупер-гипер-маркет, закрывавшийся в полночь, так она отправилась туда и купила пылесос. А пылесос в коробке – такая штука, что женщина одна и не втащит на пятый этаж старого дома, где лифт сломался еще при Хрущеве.

Антон и квакнуть не успел, как оказалось, что он должен помочь втащить наверх пылесос. Его работа в соответствии с графиком завершалась в десять вечера, а у Лары была

машина. Очень удобно для женщины заводить машину, работая среди технически грамотных мужчин, да еще под окном – неплохая ремонтная мастерская.

Ну и дальше все шло по испытанному и вековечному женскому плану: как не угостить того, кто помог, чаем и домашними котлетками, да как не налить ему рюмочку-другую, да как не пристроить свое колено поближе к его широченной лапе...

От женского внимания Антон размяк и расслабился. Но у Лары была одна проблема – женщина жила со старой, высокоморальной и въедливой матушкой. Объяснить ей, что вот этот мужчина останется ночевать, было совершенно невозможно. Поэтому незадолго до полуночи Антон и Лара отправились пешком за три квартала в гости к Антону. Это было со всех сторон удобно – утром Лара убежала бы на работу, а Антон мог спокойно часика три поваляться, прежде чем идти искать по задворкам черную флешку.

У него уже были кое-какие подозрения, куда бедный Миха мог, спасаясь от сволочей, закинуть свое сокровище.

В глубине квартала довоенной застройки всякое можно обнаружить – чуть ли не деревянную избу с курятником, например, или сарай без крыши, или даже склеп из бурого кирпича, без окон, но с низкой, взрослому мужику по пояс, заколоченной дверью. Вот как раз этот склеп, построенный неведомо когда и неведомо зачем, высотой примерно в полтора этажа, в свое время очень привлекал мальчишек, и они даже пытались прокопаться под дверь. При этом обнаружилось, что по крайней мере одно окно имелось, но, поскольку здание с годами основательно ушло в землю, да еще добрые люди завалили стенку мусором, то окно, явно подвальное, могли бы откопать разве что археологи. Ниша, в которой оно было, забранная сверху частой решеткой, наполовину забитой всякой дрянью, и была подходящим местом, чтобы на бегу, проскакивая впритирку к кирпичной стене, закинуть туда флешку. Только человек, знающий про эту дырку в земле, мог бы догадаться сунуться туда.

Хотя Антону и предстояла амурная ночь, но он никак не мог отделаться от соображений по поводу флешки. Лара что-то говорила, он что-то отвечал, но перед глазами был кирпичный склеп, и вот ведь диво – как тогда, в детстве, мальчишки не знали, на кой эта странная штука, если смотреть сверху – квадратная, с выложенными из половинок кирпичей немудреными узорами на стенках и подобием колонн с фальшивыми окнами меж ними, заложеными все тем же кирпичом, так и теперь взрослый дядька, много чего повидавший, не мог понять смысла этого сооружения.

– Вот и пришли, – сказала Лара. – Какой у тебя код?

Антон молча вдавил три кнопки, отворил дверь, и тут Лара взвизгнула:

– Ай!

Антон сперва втолкнул женщину в дом, потом ввалился сам и закрыл дверь. Только тогда он спросил:

– Ты что, Лар? Что ты там увидела?

– К нам двое бежали, – ответила она. – По-моему, с ножами... Ой, Тошенька, я боюсь!

С тем и кинулась Антону на шею.

– Сейчас разберемся, – буркнул Антон. – Поднимемся наверх и посмотрим из-за шторы, что это за двое с ножами.

– И вызовем полицию!

– Понадобится – вызовем, – согласился Антон, хотя и не хотел объяснять полицейским про нападение нямпинов, жрущих печенку.

Наверху Лара очень удивилась, увидев разбитое окно, заткнутое двумя подушками.

– А другого ничего не нашлось? – спросила она. – Можно же было пленкой затянуть, ну, клеенкой...

Ох, забыл Антон, забыл женские повадки. Даже самая отпетая бездельница и неряха, попав в дом к мужчине, на которого имеет виды, сразу норовит показать себя отменной хозяйкой. И без спросу принимается хозяйничать.

Он сам как раз был хорошим хозяином. Порядок поддерживал естественно, без авралов. И, впустив в квартиру женщину, решил заглянуть в ванную – взять баллон с освежителем, побрызгать в сомнительных местах, заодно повесить свежее полотенце – Лара наверняка захочет принять душ.

А делать этого не следовало.

Гостья вздумала показать будущему супругу, как на самом деле нужно обходиться с разбитым окном, пока не вызван стекольщик. На кухне она мигом нашла все необходимое. Антон был настолько практичен, что покупал клеенки вдвое больше, чем нужно на столик, и клал ее в два слоя, когда протрется – складывал пострадавшим местом вниз. Лара обнаружила это, обрадовалась и ножом отхватила столько, сколько требовалось для окна. В ящичке отыскалась коробку с кнопками. Пока Антон пшикал в ванной и туалете, Лара выдернула из окна изгвазданные кетчупом подушки. И напрасно...

Когда Антон, услышав крик, вбежал в комнату, подружки уже не было. На полу валялись подушки.

То, что он произнес, мало годилось для раута у английской королевы. Но других слов ситуация не заслуживала.

Немедленно заткнув окно подушками, Антон позвонил Гervasию Архиповичу.

Бромпир отозвался не сразу – возможно, ужинал.

– Ох ты ж зараза! – сказал он, узнав о беде. – Ну, значит, соколик мой, они ее тебе пообещают в обмен на флешечку. Что ж ты, дурень, потерпеть не мог, пока мы все от тебя отвяжемся? Вот прям вынь да положь?

– Да как-то оно само вышло...

– И верно дедушки сказали – один дурак бросит камень в воду, семерым умным вытаскивать... Значит, я доложу Анкудину Прокопьевичу. И будем решать... А ты, соколик наш сизокрылый, пока их, нямов окаянных, за нос води, все им обещай! Хоть флешку, хоть черта в ступе! И торгуйся! Они, нямы, тупые, но хитрые. Чтоб не вышло, что ты им флешку отдал, а они тебе – твою дуру в виде супового набора.

Антону чуть не поплохело.

– Сиди, жди, ничего не бойся, ты им пока что живой нужен, – продолжал бромпир. – Вот потом... да, потом... впрочем, может, и обойдется...

– Да что ж ты такое говоришь, сукин ты сын?! – вдруг заорал Антон. – Да я тебя по стенке размажу с твоим Анкудином вместе!

И треснул во всю дурь кулаком по столу.

Столешница развалилась надвое, все полетело на пол.

– Убью, убью, всех убью! – рычал Антон, озираясь, что бы еще покалечить.

– Стой, стой! – осознав ситуацию, завопил Гervasий Архипович. – Сядь, кому говорю! Сядь и буркалы затвори!

– А пошел ты!..

– Да что ж ты за болван такой! – рассвирепел бромпир. – Знаешь же – со мной разговариваешь! Так и не моги волноваться! Дырку для меня открытой не держи! Все! Отключаюсь!

Четверть часа Антона носило от стенки к стенке. Потом звонил телефон. Полагая, что это Гervasий Архипович, Антон выпалил все, что думает о бромпирах, единой фразой, злобой и заковыристой.

– Извини-и-ите?.. – пропел в телефоне малость гнусавый тенорок. – Вы не по де-е-елу...

– Вы кто? – сурово спросил Антон.

– Переговорщик Билли. Мне поручено произвести с вами переговоры касательно девушки.

– Так... – Антон с большим трудом взял себя в руки. – Она у вас?

– У нас. Мы предлагаем симметричное решение с адекватной компенсацией.

– Флешка нужна?

– Точнее, контент, хранящийся на носителе. Саму флешкарту можем вернуть.

– У меня ее сейчас нет.

– Это нам известно. Вы обещали конкурирующей фирме найти ее завтра...

– Обещал.

– Ровно через двадцать четыре часа ждите звонка.

Гнусавый тенорок исчез.

– Ну вот... – сам себе сказал Антон. – Где же с утра добыть лопату?

Он не хотел тратить деньги на покупку лопаты, которая никогда в жизни больше не пригодится, и никак не мог сообразить, у кого из знакомых можно взять на пару дней такое оружие. А лопата требовалась не дурацкая пластиковая, какие уже завезли в ближайший гипермаркет в ожидании снежной зимы, а прочная, надежная и острая. Иначе к флешке, лежащей под решеткой кирпичного sklepa, не прокопаешься...

Опять зазвонил телефон.

– Гервасий? – буркнул Антон.

– Ты, это... баба у тебя аппетитная, – ответил незнакомый малопрятный голос. – Понял, да? Мня-мня-мня... Ну, раз понял, то чего еще рассусоливать?..

– Она у вас? – ошалело спросил Антон.

– Мня-мня-мня... где ж еще... Ну, это... завтра позвоню...

Незримый нямпир отключился.

Антон устался на развалины стола. Все было скверно и жутко.

Спокойствие, как он понял, имело вес. Когда голова и руки малость потяжелели – тут оно и пришло. Антон позвонил бромпиру.

– Ох... – только и сказал Гервасий Архипович, узнав новость. – Это нямы! Голову в заклад даю – нямы! Мурки – они говорить горазды, да все вот этак, свысока! А нямы выследили и до окошка добрались. Но погоди, погоди... Мы их... как это у вас говорится? Разведем мы их! Понял, соколик? Сиди, жди звонка!

– Погоди, не пропадай! – воскликнул Антон. – А если все-таки мурки?

– Мурки – они гламурчики, лапки пачкать не любят. А выкрасть бабу – это ж такая возня... Нямы, точно тебе говорю. Но ты не ложись, кукуй, пока не позвоню! Вот что – я к тебе Анфиску пошлю. Она баба в теле...

– Не надо ко мне никого слать!

Антон перепугался – ему только не хватало спутаться с вампирихой, или бромпирихой, или еще с какой нечистью.

– Да она тебя охранять будет.

– Не надо меня охранять! Сам себя охраню!

Тем разговор и кончился.

Естественно, сразу уснуть Антону не удалось. Беспокойство, стоило закрыть глаза, подсовывало страшные картинки: бедная Лара, окруженная злобными чудовищами, в разных позах и при разном освещении. Нямпиры представлялись Антону головастыми мужиками, в плечах – как трехдверный шкаф, с лягушачьими ртами и зубищами – как пуля калибра семь шестьдесят два. Выругавшись в шестой, не то седьмой раз, Антон встал с постели и взялся чинить стол. Затея была почти безнадежная, но у припасливого мужика нашлись куски фанеры, и к пяти утра что-то вроде получилось. Тут усталость его и сморила.

А в половине девятого начались звонки.

Нямпиры, глампиры и Гervasий Архипович желали знать, отчего Антон еще не бродит по задворкам в поисках флешки. Он бы охотно послал нечисть в известном пешеходном направлении, если бы не Лара. Пришлось, залив в себя три чашки чернейшего кофе, двигаться на поиски лопаты. Подходящая нашлась в садово-огородном ларьке на рынке. Антон, подивившись дороговизне, купил ее, прихватил дома фонарик и отправился исследовать склеп.

Бедный Миха теоретически мог пробежать мимо склепа и забросить флешку в дыру у стены. Но Антон давно не шастал в тех краях. Оказалось, что к кирпичной стене приросла здоровая куча мусора. Если на нее залезть, то можно было увидеть внизу что-то вроде решетки. Помянув подходящим словом всех участников этой истории, Антон взялся за лопату. Куча оказалась гадкой и вонючей, и на то, чтобы раскидать ее, ушел час. Наконец образовалось место, чтобы добраться до решетки, поддеть ее и выломать. Но тут возле склепа образовалась баба Рая.

Сколько Антон помнил себя – столько он и бабу Раю помнил. У нее была особенность – она все, что внутри квартала, считала своей собственностью и присматривала за порядком. А лет ей, по Антонову соображению, было под девяносто. Может, детские воспоминания породили иллюзию, что раньше соседка была на полметра выше, а может, она и впрямь от возраста съезживалась, так что теперь Антон определил бы ее росточек в метр сорок.

Хотя до зимы было далеко, соседка уже носила грязно-оранжевый пуховик с капюшоном. При одном виде этого пуховика Антон всякий раз содрогался.

– А чем это ты, Антоха, тут занимаешься, и есть ли у тебя разрешение? – спросила баба Рая.

– Какое разрешение, баба Рая? – почти вежливо поинтересовался Антон. И старуха тут же перечислила полдюжины инстанций – начиная с ЖЭКа и кончая милицией.

– Иди уж, баба Рая, – буркнул Антон. – Я не канализацию ремонтировать собрался...

– Значит, всякий, кому в голову взбредет, может у нас ямы копать?!

Наверно, давно бабе Рае не доставался такой лакомый кусочек, как самовольный раскопщик. Антон уже прикидывал, как подхватить старуху на лопату и перекинуть через забор, когда за спиной у него зазвенел совершенно хрустальный голосок:

– Бабушка, вы ведь здешняя? Скажите, пожалуйста, где тут Самохины живут?

– Нет тут никаких Самохиных, – огрызнулась баба Рая.

– Как это нет, когда есть?! Алла Самохина, Гоша Самохин...

– Да говорю ж тебе, ни Аллы, ни Гоши!..

– Бабушка, почему вы на меня кричите?

– Кто кричит, я кричу?

– Вы кричите!

Тут только Антон обернулся и радостно воскликнул:

– О!

Бабу Раю завела и раскручивала на полноценную истерику та самая хрупкая девочка, которая ехала в его маршрутке и, получив звонок от бромпира, выскочила чуть ли не на ходу.

С виду девочка была – суший ангелочек, нежнейшее личико, светлые волнистые волосы до плеч, фигурка – непревзойденного изящества, но со всеми округлостями, которые полагаются шестнадцатилетней красавице. И голосок у ангелочка был как-то особенно, издевательски, свеж, чист и простодушен.

Баба Рая вдруг замолчала и взялась за сердце.

– Ой, бабушка, что с вами? – забеспокоился ангелочек. – Вам плохо?

Отмахиваясь и отплевываясь, старуха побрела прочь.

– Так... – сказала девочка. – Это было очень кстати...

Ее лицо менялось прямо на глазах – вот только что было бледненьким, продолговатым, полупрозрачным, с точеными чертами, и вдруг щеки налились румянцем, округлились, исказились пропорции, и перед Антоном стояло уж никакое не заоблачное существо, а спортивная девчонка, только что пробежавшая кросс и очень довольная результатом.

– Ни фиги себе... – пробормотал Антон.

– Меня Гера прислал. Я Сильда, – представилась девочка. – Мало ли что... Я не помешаю, просто буду рядом, можно?

– Можно, – согласился Антон, хотя без особого желания. Но спорить с такой Сильдой – себе дороже выйдет.

Он опустился на корточки и посветил фонарем сквозь решетку. Металлические прутья позволили бы проскочить и более крупному предмету, чем флешка. Но за много лет и под решеткой накопилось порядком грязи.

– Ну-кась... – пробормотал Антон и попытался раскатать решетку. Она не поддавалась. Нужно было соорудить рычаг. Антон почесал в затылке – из чего бы?

Когда речь шла о простых и элегантных технических решениях – он был очень сообразителен. В этом случае элегантность составила из колоды для колки дров, найденной в полуразрушенном сарае, черенка лопаты (толщиной сантиметра в три) и шнура от покойной настольной лампы, который Антон зачем-то отцепил и припрятал.

Выворотив решетку, Антон уселся рядом с дырой и попытался осветить флешку. Но трудно разглядеть черное на черном.

– Давайте я, – предложила Сильда. – У меня ночное зрение, как у кошки.

Она опустилась на корточки, вглядывалась минут пять.

– Знаете, там никакой флешки нет, – произнесла девушка растерянно. – Точно нет... Может, он ее еще куда-то забросил?

– Так... – ответил Антон. – Бежит человек, за ним гонятся... Он не уверен, что не догонят... на всякий случай прячет флешку, выживет – достанет... Так... бежит от моей подворотни...

Вместе с Сильдой он еще раз прошел тем маршрутом, которым пробежал почти через весь квартал по диагонали покойный Миха.

– Вот тут его подняли, – девушка показала пальчиком с острейшим коготком.

– А странно...

– Что?

– Что никто об этом не вопил... Ну, соседи, да та же баба Рая... И телевизор молчит, а там ведь всегда что-то этакое, с кровью, они это любят...

– Так свои же подобрали и унесли, бродяги то есть, и драмбои. Еще не хватало, чтобы полиция получила обглоданный труп без печенки. Тогда такое начнется... – Сильда возвела глаза к небу.

– Драмбой?

– Ну да. Мальчишки-драматисты. А я – девочка-драматистка, драмгерл. Мы же теперь в союзе с бродягами.

– Они вам не конкуренты?

– Они ночью кормятся, мы – днем. Но мы не можем слишком долго жить на одном месте, нас запоминают... – Сильда вздохнула. – И у вампов примерно такая же проблема – если вамп живет в одном районе и там кормится, то находятся охотники. Поэтому мы решили с вампами объединиться. Если бы Майкл остался жив, я бы, может, пустила его пожить у себя, а сама уехала на полгода в Горелов. И гореловские вампы не дали бы меня в обиду, а Майкл тут дружил бы с нашими бродягами и драмбоями... Мальчишков бы от нямов защищал...

– А это зачем?

– Нямы на драмбоев охотятся. Девочку еще могут отпустить, а мальчика – нет, охота у них такая...

– Сложная у вас жизнь.

– Сложная. Мне бы школу окончить, я бы артисткой, может, стала. Мы, драмы, ведь все – прирожденные артисты, что хочешь сыграем! – Сильда оживилась. – А с публикой хорошо, кормишься – каждый дает крошечку, а тебе на три дня хватает!

– Ясно, – пробормотал Антон. Смысл проекта договора, записанного на флешку, стал ему понятен. Оставалось только найти треклятую флешку!

Как он ни ломал голову, единственным уцелевшим тайником могла быть только дыра у кирпичного склепа. Сарай, где мальчишки прятали свою тайную и непонятную взрослым дребедень, давно был разломан. Раздвоенное дерево, в развилке ветвей хранившее немало ерунды, от пустой «лимонки» до сигарет, давно было спилено. Оставалось предположить, что Миха сорвал флешку с шеи и запустил куда попало. Впрочем, было еще местечко – у брандмауэра, к которому когда-то лепился двухэтажный деревянный домишко. Там была щель, в которую Миха мог на бегу забросить флешку, если бы сделал небольшой крюк. Эта щель имела печальную славу – в ней испытывали самодельную взрывчатку, в полной уверенности, что брандмауэр такой мелочью не опрокинешь, и однажды Антон опалил волосы, дома была очень неприятная разборка...

– Ну? – спросила Сильда. – Есть еще идеи?

– Есть. Только я бы съел чего-нибудь, – признался Антон.

Поесть он любил и, выходя на смену, всегда имел с собой отличные домашние бутерброды, с толсто нарезанной колбасой, с хорошим сыром.

– Пойдем, угощаю. Гера велел о тебе позаботиться. Может, шашлыка хочешь? Там, через дорогу, – Сильда махнула рукой, – шашлычная ничего, чистенькая. Могу добежать, принести. Или сходим?

– Сходим. Там сортир есть?

– Должен быть.

– Руки помыть...

Антон посмотрел на изгвазданные руки, а когда поднял взгляд – обнаружил, что и Сильда смотрит на них с большим интересом.

– Ты, наверно, сильный дяденька, – сказала она, но не с уважением, а скорее с подбрыком: любопытно бы, мол, узнать, как эти руки тискают...

Антон усмехнулся: ну, юное поколение, ему палец в рот не клади...

Девчонка, впрочем, была стройненькая, хорошенькая, свеженькая, куда как соблазнительнее тридцатилетней Лары... ох, и за каким бесом ее к себе приволок?.. А теперь вот вызволяй...

Как-то странно увязались между собой недовольство Ларой и интерес к Сильде. А хитрая девчонка и за шашлыками (ах, как она кусала мясо беленькими ровненькими зубками, не знавшими руки стоматолога!) проказничала, глазками стреляла, хвостик распускала. Наконец пошли разбираться со щелью.

Мало было надежды, что Миха ею воспользовался. Повозившись в грязи, Антон убедился – флешки нет. Он на четвереньках, задом-задом, выпихнулся из щели.

– Облом, Сильдочка, – сказал он. – Ну, теперь уж я и не знаю...

И обернулся, уже видя торопливым внутренним взором две стройные ножки в узорных колготках, открытые почти полностью.

Однако тех ножек не оказалось. Сильда исчезла. Вот только что, казалось бы, подбадривала, внушала уверенность, и сгинула совершенно беззвучно.

Антон до полусмерти перепугался. Сперва – Лара, потом – Сильда! Это было уж чересчур! И Лара-то была украдена только из-за собственной бабьей глупости. Лара стала

всего лишь разменной картой в хитрой игре вампиров, бромпиров, нямпиров, дрампиров и прочей нечисти. Собственных врагов она среди этих нелюдей не имела. А Сильда? Ведь если она – дрампир (драмнючка – по определению Гervasия, драмгерл – по ее собственному), то проклятые нямы – ее враги, поскольку ведут на дрампиров охоту...

...выгрызают печенку, облаживают труп...

– Сильда! Сильда! – не то что заорал, а заревел Антон.

Он понесся по задворкам. Как на грех, дети были в школе, молодые мамочки с колясками предпочитали ближайший сквер, старухи со стариками куда-то попрятались. Пустынные задворки внушали ужас. За каждым углом мерещилось грозное и злое. Наконец Антона вынесло к склепу. Там-то он и обнаружил драмгерл. Сильда лежала у земляной дыры, по плечо опустив туда руку. Услышав топот, она повернулась, и Антон увидел лицо не шестнадцатилетней девочки, а как минимум – сорокалетней стервы.

Вскочив, Сильда кинулась наутек. Из крепко сжатого правого кулачка свисала черная петля шнура – того самого, на котором висела флешка.

– Ах ты ж сука! – заорал Антон и кинулся в погоню.

Но дрампиры, видимо, имели способность двигаться куда быстрее людей, тем более – крепких мужиков, ведущих сидячий образ жизни. Антон был силен – это да, и кулак имел бронебойный, но жизнь за рулем испортила ему дыхалку.

Сильду он, понятное дело, упустил.

Запахавшись, он встал на перекрестке, полез в карман за мобильником, вызвал из памяти номер бромпира.

– Гervasий, мать твою, ты кого ко мне прислал?! Что это еще за разводки?! – заорал Антон.

– Кого я к тебе прислал? Сдурел ты, что ли? Никого я не посылал! – воскликнул Гervasий Архипович.

– Ты же сказал – Анфиску пришлешь! А пришла эта! От кого, если не от тебя?!

Бромпиру с большим трудом удалось уговорить Антона.

Выслушав подробности, он так явственно помрачнел, что в голосе ощутилось ледяное дыханье бесовской полуночи.

– Ты, соколик, дурак. Сразу должен был перезвонить. А теперь – поди знай, что у нее на уме. На кой ей флешка...

– Но если вы все заодно – драмы, броммы, как вас там еще?..

– Не ори, голубчик. Я свяжусь со штабом. Там драмнюки сообразят, что за выверт. А может, и не сообразят. Все равно до темноты ничего мы поделать не можем. Драмнюкам-то все равно, а мы – ночные, как вампы и нямы. Мурки тоже иные – ночные, а иные и днем могут часа два продержаться...

– Мне начхать на твоих мурок! Что мы теперь за Ларку отдадим?

– Ну, если начхать, то и чихай на здоровье, а я дельцем займусь. Прощевай, соколик. До ночи!

Пока не стемнело, Антон чуть не спятил.

Он, как большинство нормальных людей, делил человечество на своих и не-своих. Вот сосед Костя был не-свой, хотя прожили в одном доме больше тридцати лет. Костя был мелкий пакостник, и если бы Антон увидел, как его в темном переулке бьют втроем, то подождал бы вмешаться, пока Костя не получит все, чего заслужил. А Серега Лунин, Сашка-длинный и Сашка-усатый, Арчи, Петрович и прочие шофера были насквозь свои, проверенные, испытанные. Связи, возникшие на работе, стали для современного человека гораздо прочнее связей по месту жительства и даже семейных. Поэтому соседка Настя, с которой Антон иногда останавливался на лестнице поболтать минуты полторы, со всем ритуальным

мужским и женским кокетством, была вроде как не-своя, а Лара – своя, хотя разговоры с ней велись исключительно деловые.

Сидеть дома он не мог – нужно было чем-то себя занять, иначе в голову лезли совсем уж гнусные мысли. Просто бесцельно ходить по городу тоже не имело смысла – сволочные мысли сразу оккупируют пустую голову. Антон пошел в ремонтную мастерскую – там пар рук всегда пригодится, а разговоры о технике – они и приятны, и полезны.

Как только стало темнеть, он поспешил домой. По дороге позвонил бромпиру.

– Чудеса, да и только, – сказал Гервасий Архипович. – Наши драмнюки сами в изумлении. Сильда у них новенькая, ее всего года два назад нашли, можно сказать, сами вырастили, как-то у няма отбили. На что ей флешку воровать – никто в толк взять не может. Да она вроде и не знала про договор, никто с девчонкой об этом не говорил – если не врут, конечно...

– Но откуда она знала, что ты кого-то собирался ко мне послать?

– Не ведаю, соколик мой, вот уж не ведаю...

– И где ее с флешкой искать – тоже не ведаешь?

– Сперва неплохо бы уразуметь, на кой ляд ей эта флешка. Погоди, я Анкудина Прокопьевича спрошу. Может, это он какие-то особые козни плетет и тайно злоумышляет... ну да, чтобы с тобой не расплачиваться... да и чтобы ты флешку никому другому не отдал... Он, старый бес, может, девчонку и подбил на воровство. А что? Он-то как раз знал, что я хотел к тебе Анфиску приставить.

– Значит, он флешку получил, а на Ларку ему плевать?

Ответ прозвучал не сразу.

– Ежели по холодному разумению... – задумчиво молвил бромпир. – Так ежели по нему самому, то нам ведь флешка нужна... а бабу ты сдуру к себе притащил, так что, сам понимаешь...

– Понимаю. Значит, то, что я все-таки ее, проклятую, нашел, уже никем не оплачивается?

– Нет, это уж ты напрасно! Три старых червонца, как обещано! Это – свято, я так сказал – так и будет. Бромпиры своему слову хозяева.

– Ну так и тащи червонцы. Уже стемнело, я жду.

– Притащу.

Антон сам не знал, что будет делать с Гервасием Архиповичем, когда тот заявится в гости. Взять в плен, объявить заложником? Но как? Бромпир уже понял, что где-то в мозгу у Антона открыта дырка, через которую можно высасывать спокойствие. И кончится все это окончательно разгромленной квартирой.

Гервасий Архипович все не шел и не шел. Антон уже до того додумался, что можно тяжело ранить бромпира лопатой (а что, она довольно остро заточена), а его загадочному начальству предъявить ультиматум: не вернете Ларку – дорежу! Или нет: не вернете Ларку – скормлю нямам. Нямпиры и глампиры должны были объявиться ближе к полуночи. Так нямы, если повезет, могли бы отдать Лару за помирающего бромпира. Другой возможности Антон просто не видел...

Он поставил в прихожей лопату и сел ждать.

Чудо, истинное чудо спасло Гервасия Архиповича. Бромпир не мог войти в дом, защищенный Лихой Звездой, вызвал Антона звонком на улицу и в тот самый миг, когда Антон выскакивал с занесенной над головой лопатой, вдруг резко наклонился – завязать шнурок кроссовки.

– Ты че, сдурел? – преспокойно спросил бромпир, выпрямившись и перехватив лопату. – Ну, соколик, твое счастье, что я сыт по горло. Нарочно от троих дурачков подкормился перед встречей, чтобы уж никакого соблазна.

– Сука, – ответил на это Антон.

– Ты бы, чем ругаться, спросил, чего новенького. Так вот – ни о чем Анкудин Прокопьевич Сильду не просил, это ее девичья самостоятельность. А узнала она про флешку, надо полагать, от моей Анфиски. Анфиска-то сидела в штабе, ждала – вдруг я ее к тебе пошлю. Она у меня – полукровка, папа – драмнюк, мама – бромпирочка, так что и днем может выходить, особенно осенью, когда солнце прячется.

– Ну и зачем ты это говоришь? Хочешь сказать, что вы все тут ни при чем? А Ларка – это мое личное горе?..

– У тебя совсем соображение отшибло, – не отпуская лопаты, заметил бромпир. – Я о чем тебе толкую? О том, что мы-то эту флешку не получили. И где она вместе с Сильдой болтается, мы не знаем. И как она этой флешкой распорядится – можем только догадываться. Так-то, сизый мой соколик.

– Там такие ценные документы?

– Там адреса, телефоны, коды... ну, ты про коды все равно не поймешь... Ну и куча подробностей, которые муркам с нямками знать незачем. Если они всего лишь адреса узнают – и то беда... Так вот. Мы в штабе объявили общую тревогу. Все, способные держать оружие, идут искать Сильду. Там только Анкудин Прокопьевич с дедом Саввой остались – ко-ор-ди-ни-ро-вать. Я твои червонцы принес. Хочешь – забирай их и сиди дома. Но тогда твою дуру вызволять никто не будет. Никто не станет ее на флешку выменивать. Но если ты сейчас с нами пойдешь – может, если тебе повезет поймать Сильду, то сможешь поторговаться. Понял, голубчик?

– Понял.

– А я ведь мог тебе этого и не говорить. Так что забирай свою лопату, чудила грешный. И решай...

– Чего тут решать. Я с вами.

Оружия у Антона не водилось – купил как-то сломанный «макар», думал починить, не справился, продал Сереге; нож, правда, возил с собой, мало ли что, и даже знал, куда им бить, но в подходящей ситуации, когда наркоман попытался отнять выручку, упокоил балбеса кулаком, а про клинок вспомнил полчаса спустя, рассказывая о приключении товарищам. Была только лопата – ее он и взял с собой.

По дороге (шли почему-то в сторону вокзала) Гервасий Архипович объяснял Антону принцип поиска.

– Драмнюки работают по квадратам. Если в котором квадрате драмнюк позавтракал или, скажем, поужинал, там это, как оно по-научному... остаточное возмущение ментального поля, кажись... Это ты потом у Анфиски спросишь, ее папаша всяким заграничным словам выучил, а мы-то все по исконному-посконному... Так вот, драмнюк, который уже в годах, может по оттенкам сказать, кто из его компании тут питаться изволил. Они сейчас прочесывают город, ищут этот остаточный след. Чтобы хоть понять, где треклятая Сильдочка в последний раз промышляла. Она – девочка, много зараз принять не может, питается часто, и вся надежда на это. Но со следом такая штука – от того места, где драмнюк бурную страсть из человечка высосал, след раздваивается – одну часть человечек за собой тащит, другую – сам драмнюк, и обе понемногу угасают. Аскольд, дружок мой, как-то полтора километра этот остаточный след тащил – ну, он тогда трех человек разом высосать исхитрился. Да ты не бойся, живы они остались!

– А как мы вдвоем можем след взять? У меня такого нюха нет, у тебя тоже, – заметил Антон.

– Так нам и не надо. Мы к Сильдиной подружке идем, к Жанночке. Подружка у нее, простая девчонка, Сильда к ней часто забегает. Только она это от наших скрывает, а я случайно узнал. И так подумал – если я об этом Анкудину Прокопьевичу расскажу, он туда отправит ну хоть бы мою Анфиску, баба с бабой всегда договорятся, а моя – молодая и умная.

И тогда Анфиска флешку добудет, понимаешь? Хотя я ей и не чужой, а мне не отдаст, сразу потащит к Анкудину Прокопьевичу, и будет ей награда. Знаешь, какая награда? Старый хрен ее к себе приблизит! Нужно мне это? А?

– Логично, – согласился Антон и вдруг у него волосы дыбом встали. – погоди! А Ларка?! Ей... ее?... Эти, нямы?... Они ее – не того?..

– Бес их знает. Выжрать печенку могут, ну, высосать... А как они насчет баб... Понимаешь, нямы и мурки произошли от вампов. Это называется мутация. Мурки – те насчет баб не дураки. Даже таких находят, что сами им попить дают. А нямы – мне что-то кажется, что они только пожрать мастера, а кайф ловят, когда впятером драмнюка гоняют и потом... ну, в общем, желудочный у них кайф, наверно... Ведь у них и баб-то своих нет.

– А откуда они берутся?

– Они у вампов ребятишек сманивают и жрать обучают. Оттуда вся эта вражда и пошла. А с мурками у них дружба, потому что совместно вампов не любят. Так что если твоя дура у мурок, ей только постельное дело угрожает, я так полагаю. А вот если у нямов... Ладно, соколик, не будем думать о дурном.

Антон безмолвно согласился. Походка у бромпира была скорая, угнаться за ним – трудновато, так что умнее было бы помолчать.

Странные мысли брели на ум Антону. Казалось бы, не первый год он шоферит на маршрутках, не меньше десяти маршрутов делал, в любое время, и ночью тоже, а вот идет через город пешком – и диву дается, до чего же пустыньны улицы. Двадцать лет назад было иначе – сам он с одноклассниками болтался, то на дискотеку, то с дискотеки, то вместе с девчонками, и заполночь длились провожания. А теперь и молодежь куда-то запропала, только попадают по пути тетki с магазинными пакетами, спешащие домой, да пара мужиков с пивными бутылками, да еще разносчики пиццы с коробками на багажниках фирменных раскрашенных велосипедов. Некому даже разинуть от изумления рот, уставившись на Гервасиеву кособоротку.

– Где эта Жанночка живет? – спросил Антон.

– У Октябрьского моста.

– А чего мы пешком чешем? Вон же трамвай, «шестерка», он как раз туда заворачивает.

– Ну его, трамвай... Пешком быстрее добежим, – неохотно ответил бромпир.

– Так ведь чесать еще и чесать...

Маршрут «шестерки» частично совпадал с маршрутом «сто сорок седьмой» маршрутки, на котором год назад катался Антон. И расстояние до моста он знал очень четко – четыре с половиной километра.

– Гервась, а если такси поймать? – спросил Антон.

– Мне платить нечем, – признался бромпир. – У нас меж собой, вишь, все расчеты в золоте. Я этих ваших бумажек и не держу.

– Ну, я заплачу...

Антон полез по карманам и обнаружил, что кошелек остался дома. Лопату он, собираясь напасть на бромпира, схватил, а кошелек как был в кармане куртки, так там и валяется.

– Ч-ч-черт... – пробормотал он. Четыре с половиной километра вдруг показались бесконечными.

– Не поминай, – строго сказал Гервасий Архипович. – Коли что – беса поминай, этого можно, а того – нет.

– А давай на трамвайчике зайцем? – предложил Антон. – Ну? Столько времени сэкономим! Ну? Ты что, твердо решил Сильду проворонить? Пока мы тут ноги бьем, ее твоя Анфиска где-нибудь отыщет...

– Зайцем нехорошо...

Но в голосе бромпира Антон уловил неуверенность.

– Если все в порядке – то нехорошо, а у нас форс-мажор.

– Кто?

– Обстоятельства такие, что не до церемоний. Ну? – Антон обернулся. – Гля, он к остановке подходит, бежим, успеем!

Бромпир очень неохотно перешел на рысь. В трамвай его Антон только что не за шиворот втаскивал.

Вагон был полон наполовину – ехали какие-то парни с огромными спортивными сумками, явно с тренировки, ехали задумчивые мужики средних лет, было и несколько женщин, из них одна – пьяная. Она громко докладывала по мобильнику подруге, что вот прямо через четверть часика вернет ей долг.

– Дура... – проворчал ГERVасий Архипович. – Накличет...

– Накликала... – шепотом поправил Антон.

Ему приходилось иметь дело с транспортными воришками. Двух собственноручно сдал в полицию. И поэтому он сразу сообразил, почему к пьяненькой дурочке жметя белобрысый парнишка лет восемнадцати, какой-то нахохлившийся, словно мерзнувший на ветру.

– Где?

– Обернись...

Одновременно трамвай сбавил перед остановкой скорость, а бромпир обернулся.

Белобрысый вор уставился на ГERVасия Архиповича. Его взгляд исподлобья был таким пронзительным, что Антона, перехватившего этот взгляд, явственно качнуло – и вагон тут был ни при чем. А вот бромпир, не дожидаясь, пока трамвай остановится, бросился к раздвижным дверям и чуть было их не прошиб.

– Стой! – вскрикнул Антон. Тут двери разъехались и бромпир вывалился во мрак.

Антон посмотрел на парнишку – и тут на него накатило. Что произошло – он понял уже на тротуаре.

Картина была такая – вор сидел на асфальте, закрывая голову руками, ГERVасий Архипович выглядывал из-за дерева, и рожа у него была испуганная.

– Лопату! Лопату опусти!.. – умолял бромпир. – Люди ж ходят! Зашибешь ненароком!

– Твоя работа? – спросил Антон.

– Ну, моя... Я совсем чуток вытянул... Ты ж не совсем взбесился, лишь малость... Кабы не вытянул – спятил бы, золотое слово – спятил! Удрал бы, куда глаза глядят, понимаешь? Ты бы и не угнался.

– А мне, значит, спокойствие сейчас уж ни к чему?

– Ты ж сразу в себя пришел!

– И как я его? – полюбопытствовал Антон, лопаты не опуская и глаз с воришки не сводя.

– Ну, как... Лопатой, знамо дело... Поддел как-то хитро и выкинул... Ну, как навоз кидают...

– Ясно. А чего это ты?..

– Так он же трам!

– Кто?!

– Трамфир! Они по трамваям промышляют!

– Сидеть! Зашибу! – прикрикнул Антон на воришку. Спокойствие вернулось не полностью – он осознал, что малейшее движение может его спровоцировать на решительные и злобные действия.

– Говорил же я, не надо трамваем ехать, – горестно сказал бромпир. – Говорил же тебе, соколику моему... Как чуял – напоремся...

– Я не понял, – хмуро произнес Антон. – С чего у тебя от этого обмылка – такая паника? Ты ж чуть в штаны не навалил... или навалил?..

– Нет еще...

Гервасий Архипович все еще был очень расстроен и испуган.

– Да ты его одним пальцем уделать можешь.

Действительно, пальцы у бромпира соответствовали мощному сложению – были мало чем потоньше сарделек.

– Нет... Я того уделать могу, которого понимаю. А трампира я не понимаю! Чую, что кормится, а как, чем – НЕ ПОНИМАЮ!!!

– Чего не понимаешь? – Антон был неумолим.

– Ну, я же тебе рассказывал. Мы, бромпиры, спокойствием кормимся. Драмнюки – бурными страстями. Вампы, мурки – с этими ясно, но они еще энергию крови берут. Нямы энергии не понимают, им мясо подавай. А кровь им – заместо пива у людей, я ж тебе, голубчик мой, объяснял. Выродки бесовы! Но это нам понятно – то есть, нам, бромпирам и драмнюкам. А эти?!.. Что они такое высасывают? А ведь сосут! Понимаешь? Сосут! Может, они мозг высасывают? Проедешься с таким – половины мозга как не бывало!

– Что-то мне кажется – не мозг они сосут... Эй, ты, трамвайный бес, ползи сюда. На карачках! Герваська, поддержи-ка лопату.

Антон был уже в том состоянии, когда на все плевать. Он внимательно посмотрел на тощенького трампира и, когда тот подполз на четвереньках, сделал два шага, оказался у бедолаги за спиной и, схватив его за ноги, резко вздернул. Трампир повис вверх тормашками. Антон потряс его, и из потертой кожаной куртейки посыпались монеты, полетели бумажки. Было их довольно много.

– Ишь ты! – воскликнул Гервасий Архипович. – И ведь не боится! Разрази меня гром – не боится!

– Ворюга он, ворюга обыкновенный, – объяснил Антон и без особой любезности уложил трампира на асфальт. – Я его сразу вычислил.

– Нет, соколик мой, ворюга он как раз необыкновенный. Я внимательно следил – он не ручонками шаловливыми эти денежки добыл, нет... Я же чую, когда кормятся... Соколик мой, Антонушка, я понял – он их высосал!

– Деньги?

– Ну да!

Антон уставился на бромпира с изумлением, бромпир на Антона – с восторгом. И в этот миг трампир, вскочив, кинулся наутек.

– Стой! Герваська, лопату! – схватив обеими руками черенок, Антон помчался следом, как солдат – в штыковую атаку. Если бы парнишка, пробегая через пустынный сквер, не споткнулся о вывернутую бетонную плитку, Антон бы вовеки его не догнал. Но вот повезло – и он, набросившись на лежащего, прижал его к асфальту коленом.

На Антоне была старенькая курточка от спортивного костюма, растянутая и довольно просторная. Надо сказать, оделся он не по погоде – к ночи похолодало. Но погода никак не объясняла легкого прохладного вихря под курткой, опоясавшего плотное тулово Антона и вынырнувшего разом снизу и в левый рукав.

Одновременно трампир дернулся, но вырваться из-под колена не сумел.

Подбежал Гервасий Архипович, замер в дурацкой позе, на полусогнутых, растопырив руки, и стал шумно приниматься с таким азартом, что даже верхняя губа задергалась.

– Было, было! – закричал он. – Сосал! Соколик мой, как ты? Скажи хоть словечко!

– Да нормально я. Мозги при мне...

– Все?

– Бес их знает.

– Руки, ноги? Все шевелится? Башка не кружится?

– Да нет же.

– Так что он у тебя высосал? Я же чую – сосал, мерзавец, кормился!

– Не вопи, Герваська, менты прибегут. Ничего он, кажется, не высосал... – Антон прислушался к себе. – Точно, ничего. Эй, ты, болезный – ты что со мной сделал?

Это относилось к трампиру.

– Ничего, – с явной ненавистью отвечал тот.

– Ты чем подкормился, что высосал? – подхватил допрос бромпир.

– А чего с него высасывать – пустой же...

– Кто – пустой? Он – пустой? – Гервасий Архипович очень удивился. – Да вот же все при нем – и кровь, и бром, и страсти...

– На кой мне его страсти?

– Говори, чем кормился! – вдруг зарычал бромпир, да еще как страшно!

– Говори, дурная твоя башка, а то он тебя самого высосет. На том свете опомнишься, – пригрозил Антон. – Гервась, ну-ка, попробуй. Найди там у него дырку, или что вы ищете... Вот у меня – что было?..

– Антоша, соколик... Дырку-то я найду – он бы во мне дырку не нашел...

Трампир, лежа щекой на асфальте, скосил взгляд на Гервасия Архиповича. И, нехорошо усмехнувшись, втянул в себя воздух с еле слышным свистом.

– Ахти мне! – вскрикнул Гервасий Архипович, хлопая себя по бокам. – Ахти мне, это что еще за сквозняк?!

– Точно, был сквозняк, – сказал Антон, и тут его словно пружиной подбросило. А трампир мгновенно вскочил на ноги.

Белобрысая копна нечесанных волос встала дыбом, щуплый парнишка разом сделался крупнее и выше. Антон глазам своим не поверил – трампир на пару секунд завис в воздухе.

– Ого! – выкрикнул он. – Вот это – кормежка! Ау-у-у-у!!!

Вой был самый что ни на есть волчий. Антону впервые довелось услышать радостный, даже восторженный звериный вой, и он с перепугу выставил перед собой лопату. Глядя на эту лопату, трампир расхохотался. Видно было, что он может сломать толстый черенок, как палочку из японского ресторана.

Но, мысленно уже ломая лопату, трампир упустил из виду Гервасия Архиповича. А тот, сумев одолеть свой страх перед непонятной нечистью, перешел в атаку. Очевидно, благодаря восторгу в трампире отворилась какая-то нужная ему дырка.

Трампир, приземлившись, завертелся юлой, рыкнул, метнулся к скамейке, прыгнул на нее, подскочил, скамейка под ним рухнула. Тогда он, приплясывая, побежал к фонарному столбу.

– Я тебя, проклятого! Я тебя!.. – с таким победным воплем он подскочил, повис на столбе и, видно, как-то увеличил свой вес, потому что фонарь согнулся.

Много еще разрушений учинил он в сквере, ругаясь и визжа; наконец, свалился на газон, усыпанный желтыми звездочками и сердечками.

– Вот! – воскликнул Гервасий Архипович. – Ишь, как я его! Ты видел? Нет, ты видел, как я его?! Все из него вынул! Весь бром! Теперь два часа проваляется трупом, не меньше! Антошенька, соколик мой, а мы-то их боялись! А они-то – волчья сыть, травяной мешок!

– Пошли отсюда, – сказал Антон. – Ты что, на радостях забыл про флешку?

– И точно, вот дурень... погоди, я все же должен докопаться...

– Потом докопаешься.

Но бромпир подошел к поверженному врагу и опустил на корточки.

– А? Что? – спросил он. – Доездили? А теперь говори – чем кормишься.

Трампир молчал.

– Гервась, идем, времени нет, – снова напомнил Антон. – Ларка же, будь она неладна!.. А эти где-то в полночь будут меня искать... И те, и эти... Мобилка, блин!

В карманах нашлись новенькая зажигалка, пустая пачка из-под сигарет, два гвоздя (еще поди вспомни, для чего их туда клал), маленький моточек медной проволоки, тоже неизвестного назначения. А мобилка, естественно, осталась дома.

– Надо его еще раз встряхнуть, – решил Гервасий Архипович. – Помнишь, сколько из него денег посыпалось? Может, еще пара стольников застряла. Тогда на такси сгоняем до тебя, возьмем мобилку, и тем же такси – к Октябрьскому мосту.

И он, невзирая на слабое сопротивление, стал расстегивать куртейку трампира. Тот рывком сел, лязгнул зубами, Гервасий Архипович увернулся.

– Нет, его точно нужно поучить, – сердито сказал Антон. – Поставь-ка его на ноги, а я его...

Но поучить не пришлось. Из трампировой куртейки что-то вылетело, да со звоном, да разбежалось по бетонным плиткам. Гервасий Архипович взгляделся и ахнул:

– Да это ж мои червонцы! В кисе лежали! А киса где?!

Он полез за пазуху и вынул пустой замшевый мешочек.

– Лихо, – сказал Антон. – Так он, может, деньгами кормится? Их высасывает?

Бромпир подобрал монеты, внимательно их разглядел под фонарем.

– Нет, не погрызенные. Высосал сквозняком, это понятно, а почему не погрыз? Как это так получается?

– Он и купюры в трамвае высасывал. А их разве что жевать... – задумчиво сказал Антон и вдруг замахнулся лопатой: – Лежать, сволочь, сученок!

Трампир что-то буркнул и лег, раскинув руки.

– Нужен эксперимент, – вдруг решил Гервасий Архипович. – Я домыслился, но без эксперимента...

– Нужно флешку добывать! И Ларку спасать! – заорал Антон. – Прячь деньги, и идем!

– Ты прав, соколик. До полуночи время есть. Мы все успеем. Идем!

И Гервасий Архипович, ловко вздернув трампира на ноги, перекинул его через плечо.

– Совсем сдурел? – спросил Антон.

– Чего сдурел? Для эксперимента нужен! Я его потом сдам в штаб. Разберемся, как они, гады, это в трамваях проделывают. А потом, может, с ними как-то договоримся – чтобы их, значит, на нашу сторону перетянуть! Его, голубчик мой, отпускать никак нельзя!

Спорить было бесполезно.

Чтобы не тратить зря время, вернулись на трамвайную остановку и подобрали деньги. Антон понесся на такси домой за мобильником, а бромпир поволок добычу к Октябрьскому мосту.

Поскольку за лопату были деньги заплачены, он прихватил с собой опасное орудие и оставил у себя в прихожей. Хотя время поджимало, убедился, что подушки с кетчупной Лихой Звездой исправно торчат в окне. И тогда только поспешил к Октябрьскому мосту.

Когда Антон примчался к дому, где жила Жанночка, в квартирке Сильдиной подружки уже вовсю шел допрос. Мама и папа, надолго лишенные спокойствия и жизненных сил, лежали на супружеской тахте без движения – одна эта тахта и уцелела после их буйства, а растрепанная перепуганная Жанночка кое-как отвечала на вопросы Гервасия Архиповича. Трампир был тут же, связанный тряпьем из домашнего обихода, с кляпом из толстых шерстяных носков.

– Ты, соколик? – не оборачиваясь, спросил Гервасий Архипович. – Ну, кое-что проясняется. Красавица-то наша дружка себе завела и встречается с ним ночами. Батька с мамкой заснут, а она – шась! И хвасталась подружке, что-де красавчик писанный. А бегаёт к нему на Октябрьскую набережную, в тот конец, где плавучая ресторация. Там мы ее и словим. А ты, девка! Ты вперед умнее будь и со всякой швалью не дружись! Поняла?!

Жанночка, полноватая девица лет этак восемнадцати, отчаянно закивала.

Бромпир снова взвалил на плечо пленника.

– Ох, попадемся мы ментам с этим ценным грузом, – сказал Антон.

– С ментами не управиться – это совсем обалдуюм нужно быть. У них дырки большие, заметные.

Потащились вдоль всей набережной к ресторации.

Так вышло, что Антон в этих краях ни разу не бывал. Когда двадцать лет назад поставили на вечный прикол древний речной трамвай и устроили там злачное заведение, он был слишком молод и не имел достаточно денег для разгула. Потом ресторация прославилась стрельбой – недели не проходило, чтобы там не палили почем зря и не сбрасывали посетителей в воду. Они стала местом встречи всей городской крутизны. Со временем крутизна поутихла, ресторация захирела, появились другие кабаки, куда более комфортабельные. Летом на суденышке еще кое-как работала кафешка для тех, кто, невзирая на запреты властей, купался и загорал поблизости. В сентябре заведение запиралось, как объяснил бромпир, на лопату: то есть, при желании можно было попасть в оба зала и прочие помещения, даже жить там.

– Ну, значит, напоремся на бомжей, – сделал вывод Антон.

– Ой, нет, если там Сильда бывает, то она эту шушеру повывела. Ей это просто!

Эта часть набережной была какой-то безнадежно пустынной. Река в безветренную осеннюю ночь казалась черной и мертвой. На том берегу непонятно где светилось несколько точек и рисовались угловатые силуэты. Ресторация, уже лишенная вывески и цветных фонариков, стояла впритык к берегу. Сходни уже были убраны, но перепрыгнуть мог даже бромпир с грузом на плече.

Первым на борт перебрался Антон. Он помог Гервасию Архиповичу, не желавшему оставлять без присмотра драгоценную добычу. И они молча пошли вдоль борта в сторону кормы – там было довольно места, чтобы летом поставить шесть столиков. Оттуда же можно было спуститься в большую каюту, где тоже кормили и наливали. Там уже были бар и кухня, а также трап, ведущий на верхнюю носовую палубу, тоже приспособленную под кафешку. Где-то над ней имелась капитанская рубка – ее тоже для чего-то переоборудовали. И, как считал Антон, были в ресторации каюты – для особо важных посетителей и их подруг.

Антон шел первым – первым и остановился, увидев какое-то смутное свечение. Он подкрался поближе и понял, в чем дело – на белом пластмассовом столике стоял раскрытый ноутбук, а перед ноутбуком сидел, спиной к Антону, человек, судя по широким и прямым плечам – парень.

Гервасий Архипович выглянул из-за Антонова плеча и почти беззвучно хмыкнул.

– Это ты? – не оборачиваясь, спросил человек с ноутбуком. Это был совсем юношеский голос.

И тут все трое услышали топот. Бежал по набережной некто в легкой и мягкой обуви, бежал довольно быстро, и чуть притормозил возле ресторации.

– Кажись, Сильда... – не прошептал, а прямо в ухо Антону выдохнул бромпир.

Девушка не стала искать удобного места для прыжка. Видать, она по дороге к ресторации где-то подкормилась – очень легко перемахнула через воду и даже перила на корме.

– Извини, – сказала она. – Ради всего ночного, извини.

– У нас теперь невеста что творится, – ответил юноша. – Я ненадолго. Ну, что случилось?

– Бриони...

– Ну?

– Бриони, ты совсем меня не любишь? Да?

Голосок девушки прозвенел совсем отчаянно.

– Сильда, мы ведь уже говорили... Ничего у нас не получится...

– Так любишь или не любишь?

– Сильда, нам лучше расстаться.

– Нет! Я не хочу тебя терять! Мне плевать, что ты – гламурный! Понимаешь?!

– Ох... – прошелестел бромпир. – Ну и дура, в мурку влюбилась...

– Ни твои, ни мои не позволят нам... – довольно спокойно ответил глампир. – И ничего с этим не поделаешь. Ты классная девчонка, но... ну, сама понимаешь... беспросветно это...

– А если бы я перешла к вам? Стала вашей? Тогда – позволили бы?

Гервасий Архипович, первым сообразивший, к чему клонит Сильда, бесшумно уложил трампира на железный пол.

– Как ты это себе представляешь? – спросил Бриони, не переставая работать на ноутбуке.

– Ну вот, скажем, я оказала вашим огромную услугу...

– Принесла в мешке старого вредного Анкудина? Вот это разве что...

– Ты просто не хотел поговорить обо мне с вашими. Я уверена – мне бы дали задание, я бы его выполнила, и мы были бы вместе! – воскликнула Сильда. – Но я сама догадалась! Закрывай ноут и веди меня к своим старшим.

– Они тебя выпьют – тем все и кончится.

– Позвони им и спроси – если я сделала то, с чем не справились Дольче и Тиффани, что они на это скажут? Выпьют меня, да?

Только тут Бриони наконец повернулся к девушке.

– Ты что, нашла ту проклятую флешку?

– Да! Да! Теперь понимаешь? Звони своим!

– И она сейчас у тебя?

– Ну, допустим, у меня, – помолчав сказала Сильда. – Бриони, любимый, мне больше некуда идти – только к твоим. Наши уже знают, что я унесла флешку. Если твои меня не примут – я флешку уничтожу и... и сама тоже... не будет меня, понимаешь?..

– Нет, Си, это ты классно придумала насчет флешки. Наши будут рады, – перебил девушку глампир, только вот голос звучал не слишком убедительно.

– Так звони! Я знаю, они сейчас не кормятся, ждут... или кое-кто кормится, а остальные ждут...

– Что?

– Флешку.

– Почему именно сейчас?

– А ты не понял? Или тебе не сказали?

Антон сообразил – откуда-то Сильда прознала, что Лара – у глампиров. Ждут, стало быть, назначенного срока, чтобы позвонить ему, Антону, и сказать, куда принести треклятую флешку.

Эта же мысль, как оказалось, пришла в голову и Гервасию Архиповичу.

– Ты что-то странное говоришь.

– Ничего не странное! Звони и скажи своим, что флешка у тебя!

– Мне – сопляк, тебе – девка! – коротко приказал Гервасий Архипович.

И правильно сделал – драться юный глампир умел получше шофера маршрутки, уже порядком отяжелевшего, реакцию имел отменную, и кулаки Антона тут были бы бесполезны.

Антон смог только облапить Сильду и прижать ее к железной стенке кубрика, или что там было на суденышке между нижней кормовой и верхней носовой палубами. Там очень удачно висел позабытый спасательный круг, и Антон приспособил драмгерл физиономией в угол между жестким кругом и стенкой. Ему не хотелось, чтобы нечисть покусала его. Хотя драмнюки и питаются страстями, но зубы у них могут оказаться очень даже острыми.

Бриони, красивый, как все голливудские мальчики, вместе взятые, двигался с изумительным изяществом, при этом его одежда сохраняла четкие дизайнерские линии, а тонкое бледное лицо не искажалось боевым оскалом – оно оставалось несколько меланхоличным.

Гервасий Архипович был потяжелее, но имел опыт боевых схваток и отменную реакцию. Он тоже взмывал в воздух, наносил удары ногами с разворота, подныривал под бьющую руку и вовремя отскакивал. Наконец он исхитрился и повалил Бриони на палубу.

– Антошенька, соколик, я на трампира всякой дряни намотал – на троих хватит! Там и колготки бабы, и полотенца, и шарфы с вешалки! Отцепи сколько надо, чтоб гаденыша связать!

– Я Сильду держу!

– И долго ты ее держать собираешься? Флешка на шнурке, сумки у красавицы нет, значит – флешечка на шейке висит. Давай, отцепляй.

Это оказалось не так уж просто – Сильда вертелась ужом и действительно цапнула Антона зубами – к счастью, сквозь рукав. Потом, опять же зубами, она вцепилась в шнурок. Антону пришлось его разорвать – с риском повредить ладони и потерять флешку: если бы она упала и усакала по палубе, то могла бы завалиться в какую-нибудь щель. Но ему повезло, и он зажал флешку в кулаке.

– Сильда, не смей! – крикнул бромпир. – Вот только попробуй подкормиться – живого места на тебе не оставлю. Пошла вон, дуреха!

Но девушка, не попытавшись даже раскрутить Антона на вопли и истерику, кинулась на помощь любимому. Она попыталась оттащить Гервасия Архиповича. Тот, недолго думая, заехал красавице в ухо. Она отлетела к борту и, поскользнувшись, проскочила между палубой и перилами в том единственном месте, где это было возможно. Раздался визг, громкий плюх, затем плеск – драмгерл, вынырнув, отплыла от ресторации.

– Там где-то должен быть спуск со ступеньками, – сказал Гервасий Архипович. – Ничего, не подойдет! Ишь, любовь у нее! Выкарабкается! А ты что стал в пень? Тащи, чем этого возлюбленного связать!

– Вам за меня отомстят, – пригрозил Бриони. – Вы что, не знаете, кто мой папа?

– Да знаем, знаем... Мстить не придется – я тебя больше не трону. Антошенька, соколик мой, вот все и уладилось...

Тут в кармане Антоновой куртки завопил мобильник. Антон стремительно поднес его к уху.

– Ну, мня-мня-мня... Нашел, что ли?

– Нашел. Вот, держу.

– Повезло твоей бабе, мня-мня-мня... Ну, значит, приведем к твоему дому.

– Я сейчас на Октябрьской пристани. Дома буду через полчаса, – прикинув, сказал Антон.

– Ты сбрендил? – спросил бромпир.

– Значит, через полчаса, мня-мня-мня...

Незримый Антонов собеседник отключился.

– Так она у нямов? – успел спросить ошарашенный Гервасий Архипович, и тут мобилка снова заорала.

– Слушаю, – сразу ответил Антон.

– Переговорщик Билли беспокоит. Касательно флешкарты. Вы ее нашли?

– Нашел...

– Мы готовы выполнить свои обязательства. Ваши предложения?

– Через полчаса там, где вы похитили Лару!

– Йес. До связи.

Билли отключился.

Антон вдруг сообразил, что неплохо бы сверить часы, но перезвонить глампирам не удалось – номер не определился. Номера нямпиров у него тоже не оказалось. Он со вздохом сунул мобильник в карман. Бредовость ситуации ввергла его в некоторое отупение – кто же тут врёт? Глампиры и нямпиры – союзники, но сделку-то предложили поодиночке. То, что встреча назначена в одно время и в одном месте, вышло нечаянно – а, может, оно и неплохо. Тому, кто приведет Ларку, достанется и флешка...

– Лихо ты это, – похвалил Гервасий Архипович. – Да только напрасно.

– Это почему же?

– Потому что флешечку заберу я.

– А Ларка?

– Что – Ларка?

– Мы так не уговаривались! Я за этой проклятой флешкой гонялся, чтобы дуру Ларку выручить!

– Мы, соколик мой, вообще никак не уговаривались, – напомнил бромпир. – Мало ли чего ты в голове у себя навоображал. Так что все, чем могу помочь, это сопливый мурка. Ежели твоя красавица у мурок, как раз на него и выменяешь, когда по-умному речь поведешь. Так что ты его и забирай. А мне отдавай флешечку.

– Да – если Лара у мурок. Тогда я могу произвести обмен пленных. А если она у нямов? Думаешь, нямы отдадут Лару за этого чудика? – спросил Антон.

– Детка, кто твой папочка? – спросил Гервасий Архипович.

– Как будто вы не знаете! – огрызнулся Бриони.

– Нямам, может, даже полезно будет получить этого гаденыша, потому что у них с мурками какие-то свои разборки. Не будь дурак, поторгуйся! – вдруг приказал бромпир. – Я тебе такой ценный товар уступаю! А уж флешечку – мне! Ну?

Впутываться в мутные и непонятные интриги городской нечисти Антон совершенно не желал. Суровый тон бромпира ему совершенно не понравился. И он стал отступать, полагая, что если удастся выйти к правому борту ресторации, которым она пришвартована к набережной, то сбежать будет уже совсем просто.

Антон совсем забыл о трампире, а тот все еще лежал на полу в узком проходе и очень некстати подвернулся под ноги.

Опомнился Антон неведомо где, во мраке, и с таким ощущением, будто его обработали огромным бугорчатым молотком – как хорошая хозяйка отбивную. А он всего-навсего полетел в темноту головой вперед и кувырком сверзился с трапа.

Наверху зычно хохотал Гервасий Архипович.

– Ну, посиди там, посиди! – кричал он. – Авось поумнеешь! Только на часы поглядывай! А то пропадет твоя красавица, как пить дать – пропадет!

Он был прав.

Антон сел, ощупал бока – ребра вроде были целы. Ощупал голову – с рычанием и стоном. Голове досталось...

Но флешка была при нем – он ухитрился не разжать кулака.

Положеньице было – хуже не придумаешь. И было бы еще чем думать! Голова, как Антон ею ни тряс, работала плоховато.

И тут он услышал тихое чавканье.

Ничего удивительного в том, что плавучую ресторацию облюбовали бродячие псы, не было. Но пес, чавкая, вроде бы не кричит и не бормочет жалобно. Да еще так, что можно разобрать слова: «ох, долго ли мука сия...»

– Кто тут? – тихо спросил Антон.

– Я тут... – ответили из темноты. – Тяжко мне...

– Ты кто такой?

– А ты кто?

– Человек я, – не слишком вежливо ответил Антон. – Вот, влип. Отсюда можно как-то выбраться, кроме как по этой чертовой лестнице?

И он, зажав шнурок от флешки зубами, на четвереньках пополз на голос.

– Ох, не поминай, человеке. Этого поминать нельзя. Скажи – по бесовой лестнице...

Антон замер. Вот и Гервасий Архипович так же учил...

– Ты-то сам – человек? – осторожно спросил он.

– Был когда-то. Потом к вампам прибился. А потом прокляли меня. И уж не вамп я... Не кровушкой кормлюсь...

– Страстями? Бромом? – предположил очень поумневший за последние дни Антон.

– Если бы бромом... Сам себя грызу. Сампир я... И все никак сгрызть не могу, одни кости остались, а они не поддаются... И смертушки моей нет...

– Так... – сказал Антон. – Еще одна нечисть. Да сколько ж вас развелось-то?

– Немного развелось. А ты точно человек?

– Точно.

– А, может, проклянешь меня? – с надеждой спросил сампир. – У людей это хорошо получается.

– Как же мне тебя проклясть?

– А вот пожелай мне... пожелай... пожелай, чтобы я, злыдень этакий, за грехи свои вообще ничего грызть не мог, одной незримой силой пробавлялся, вон как трамы хотя бы...

– Какой это незримой силой трамы пробавляются? – заинтересовался Антон. – Они ж деньги высасывают.

– И что – жуют они эти деньги, что ли? В деньгах незримая сила скрыта! Трамчик денежку высосет, а силой кормится. И после того уже не деньги, а линиялые бумажки. И их нигде не принимают.

– Принимают. Я вон таксеру заплатил.

– Это тебе, дружок, повезло – должно быть, трам к тем деньгам еще не присосался... Погоди! Ты трамову заначку, что ли, нашел?

– Ну... – Антон несколько смутился. – Ну, пожалуй, что заначку... Из его куртейки деньги вылетели...

– У тебя тех денег не осталось?

Антон полез в карманы, нашарил зажигалку и скомканные банкноты. Было их немного.

– Дай-ка понюхать, – попросил сампир.

Антон протянул деньги в темноту. Что-то там затрещало, мелодично застучало, пару раз скрипнуло.

– А вот из этих он все вытянул, можешь выбросить, – сообщил сампир. – Так, может, проклянешь позаковыристее? Чтобы, значит, я впредь одной незримой силой питался, а кости грызть оставил? Я ж докуда дотянулся – все себе уже обгрыз, одни мослы остались...

Голос сампира стал совсем жалобным.

– А чего ты сюда забрался? – спросил Антон.

– Так гонят же отовсюду. А тут ничего... а на сырость мне плевать...

– Хорошо. Я тебя так прокляну – век помнить будешь! – пообещал Антон. – Только помоги мне отсюда выбраться. На той лестнице, откуда я свалился, меня караулят. А тут ведь где-то и другая есть, да?

– Не лестница – трап, – поправил сампир. – Нету... Но, может, иначе сговоримся? Я тех, кто тебя караулит, отвлеку. Я их так отвлеку – отсюда до канадской границы чесать будут без остановки.

Антон подивился канадской границе, но согласился.

Мимо него во мраке простучало, проскрипело, пропало на трапе – и вернулось.

– Нет, Гervasия мне не испугать, – горестно сказал сампир. – Он сам кого хошь испугает...

А время меж тем шло. Не меньше десяти минут Антон потратил на бесполезные переговоры с сампиром. Оставалось около двадцати. Если на Ушаковской, что идет параллельно Октябрьской набережной, сразу поймать такси – то он успевал вовремя...

Но как же быть с Гervasием? Ведь первым делом отнимет флешку... И драться с ним нелепо – в лучшем случае сбросит в воду, и бултыхайся там, пока от холода судорога не скрючит.

Антон, помчавшись домой за мобильником, сэкономил каждую секунду и переодеться не стал. Он был в старой спортивной куртке на молнии, в карманах имел кое-как запиханные банкноты трампира, зажигалку, медную проволоку, непонятные гвозди. Все это не могло стать оружием против бромпира... не могло, да... по отдельности...

– Эй, самогрыз, нет ли тут какой деревяшки? – спросил Антон.

– На что тебе?

– В зубе поковырять.

– А проклянешь?

– Постараюсь.

Минуту спустя из темноты что-то прилетело и стукнуло в пол. Антон щелкнул зажигалкой и увидел на полу японские палочки для суши. Ресторация, надо полагать, пыталась следить за кулинарной модой.

Одну из палочек он поджег и приспособил, как его предки – лучину, воткнув между сиденьем и металлической ногой стула, огнем вниз. Потом он достал из кармана гвозди и медную проволоку. Орудие для выжигания Антон смастерил очень быстро.

Примотанным к палочке гвоздем, раскаленным на огоньке, он тыкал в черный пластмассовый бок флешки. Ямки получались крохотные и не очень заметные – так ведь и Лихая Звезда на кодовом замке его дома была миниатюрная, из махоньких точек.

– Ты что это творишь?! – вдруг возмутился сампир.

– Что надо, то и творю, – Антон поставил последнюю точку, самую толстую. – А ты, раскудрить тебя в качель, чтоб всю жизнь, сукин ты сын, нюхом кормился! Чтоб тебе ничего крупнее столбика не нюхивать! И чтоб ты!..

– Не выходит! – перебил сампир. – Неправильно ты проклинаешь, без души...

– Как умею!

Загасив лучину, Антон полез наверх.

Гervasий Архипович обретался на палубе, негромко беседуя с Бриони о каких-то вампирских делах; при этом он не упускал из виду дверь, в которую влетел и загремел по трапу Антон.

– Гervasь, ты меня убедил, – сказал Антон. – Идем скорее. Только у меня условие – я тебе флешку передам, когда увижу Ларку.

– Это еще почему?

– Потому! Я ее сперва должен хоть издали нямам и муркам показать.

– Умно рассуждаешь, соколик мой. Но сперва покажи мне – а то, мало ли, вдруг ты ее где-то внизу спрятал?

– Любуйся! – предложил Антон.

Флешка лежала на его широкой ладони Лихой Звездой вниз.

– Ну, раздобыть там другую флешку ты вряд ли мог... – пробормотал бромпир. – Ладно. Собираемся и уходим. Бриони, тебя на плече тащить, или ногами пойдешь?

– Пойду сам, – ответил юноша. – На плече – оно как-то совсем не гламурно.

– Какой уж там гламур – кверху задом... А этого голубчика я с собой возьму! Подсоби, соколик.

Трампира взвалили на плечо Гervasия Архиповича – и там еще осталось место для Броуни. Но с тем условились, что ему только свяжут руки.

Действовал бромпир неторопливо, и Антон уже стал дергаться:

– Гервась, мы ж опоздали!

– Они подождут, – хладнокровно отвечал бромпир. – Им флешечка нужнее, чем твоя Ларка. А мы им – сюрпризец!

– Да, если это мурки, – то сюрпризец. А если нямы?

– И с нямами сговоримся.

– Мы с таксером не сговоримся!

Антон, если бы его попыталась затормозить на маршруте такая странная компания, пронесся бы мимо со свистом. Но он еще не знал всего своего счастья. Когда перебрались на причал и пошли в сторону Ушаковской, оказалось, что сзади, постукивая и скрипя, тащится сампир.

Антон обернулся – и чуть не поседел. Плохо обглоданный скелет (сухожилия оказались бедолаге не по зубам) венчала почти человеческая голова – Миха, похоже, был прав, похваставшись особо прочным вампирским черепом, да еще этот череп малость раздался вширь. Но у покойного Михи просто образовалась физиономия, о каких говорят «в сковороде не поместится»), а у сампира череп был обтянут выцветшей и уже полупрозрачной кожей, волосы же с голодухи вылезли напроць.

Обернулся и Гервасий Архипович.

– Батюшки-светы, а ты как сюда попал? – удивился он.

– Как-как... Вот, проклясть обещали...

– Антошенька, в своем ли ты, голубчик, уме?! Хотя – откуда ж тебе знать их повадки? Он же теперь от тебя не отвяжется! – горестно воскликнул бромпир. – Так и будет за тобой бродить – «прокляни да прокляни»! Вот только его нам не доставало...

– А что, это совсем невозможно? – в ужасе спросил Антон.

– Говорят, бывали случаи, но это когда сампир к бабе привязывался, желательно такой, что его раньше знала. Старая злобная баба – та проклясть может, а в тебе столько злобы не накоплено... Как же быть-то? Он нам сейчас вовсе не нужен...

– Погоди, Гервась. А если позвать драмнюка? Они же из людей как раз злобу сосут. Может, сытый драмнюк его проклясть сумеет? – предположил Антон.

Бриони тихо рассмеялся.

– У нас с драмнюками сейчас из-за Сильды разборка будет, – хмуро ответил Гервасий Архипович. – Хоть она и напроказила, они ее защищать станут – своя же. Если их попросить о помощи – они захотят Сильдочку свою выторговать. А эта торговля сейчас совершенно лишняя, и без нее забот по горло...

Бромпир ладонью показал, как именно – по горло, и, придерживая левой рукой на плече спеленутого трампира, правой достал мобильник.

– Штаб? Анкудина Прокопьевича мне. Анкудинушка, тут у нас такая беда... Мы на встречу опаздываем, а такси взять не можем, никто не остановится, – с нами сампир, будь он неладен... Да ты его знаешь – это полковник Кадуэт... Ну да, кто ж знал, что он сюда перебрался?! Ага, ждем. Только мы уже, считай, опоздали...

– Я поеду один, а ты этого шкелета бесова удержи! – додумался Антон. – Потом нагонись!

– Когда нагоню, ты им уже отдашь нашу флешечку за свою Ларочку, соколик! – был ответ. – Коли хочешь – давай сюда флешку и езжай хоть в Африку.

Но флешка сейчас была оружием, и пускать ее раньше времени в ход Антон не хотел.

Минуты убегали с умопомрачительной скоростью. Казалось бы, каждой положено шестьдесят секунд, чтобы иссякнуть и сгинуть в небытие, но Антону казалось, что они уже

укладываются в сорок и даже тридцать секунд. Ровно в тот миг, когда назначенный срок пробил, возле Гервасия Архиповича остановился джип. Дверца распахнулась, Антон увидел, что за рулем – румяная баба в пестром кокошнике. На лоб свисала поднизь из мелкого жемчуга – очень может быть, что настоящего.

– Это чучело закидывай в багажник! – принялась командовать баба. – Подсаживай мурку! Ты, мужчина, ко мне, ты, Гервасенька, назад, к мурке! Полковник! А ну, кыш отсюда!

– Меня проклясть обещали!

– Знать ничего не знаю! Вот только сунься в машину! Вот только сунься! Это с мужиками ты храбрый! А я тебе живо укорот сделаю!

Антон невольно улыбнулся: вот это женщина! Не будь она бромпирхой – можно бы и правильный мужской интерес проявить, потому что на личико вроде ничего, да и под сарафаном ишь какая грудь – хоть обед на ней сервируй.

Гервасий Архипович отпихнул лезущего в джип полковника Кадуэта, захлопнул дверь, машина рванула вперед. Но не так прост оказался сампир – квартала не пролетели, как сзади услышали звуки открывающегося багажника, дружно обернулись и увидели карабкающегося полковника.

– Вот бес! – возмутился Гервасий Архипович. – Анфиска, стой! Я его сейчас за ноги вытащу и через забор перекину!

– Гервась, время, время!.. – прямо застонал Антон. – А нам еще пилить и пилить!

– Он прав, – сказала Анфиска. – Потом разберемся!

Сампир, скрипя и постукивая костяком, разместился на трампире.

Антону было крепко не по себе: Лара в смертельной опасности, а сам он – в компании нечисти четырех разных видов, один другого краше. И эта живность уже не первый год оккупирует его родной город...

Есть старое доброе правило: прямо – короче, а в обход – быстрее. Анфиска, явно не первый год сидевшая за рулем, решила спрямить путь. Она знала способ проехать дворами и переулками; самое занятное, что и Антон эту дорогу знал, когда ездил сто сорок вторым маршрутом и попадал в пробки – с согласия пассажиров нырял в подворотню и через три минуты жуткой тряски выныривал на Московский проспект.

Но в проходном дворе днем чинили лопнувший водопровод и расковыряли асфальтовую дорожку. Образовалась яма с неровным дном, куда джип исправно въехал, да еще сел на брюхо.

– Ну, Анфиска! – взревел Гервасий Архипович.

– А что я, что – я?!

До Антонова дома оставалось десять минут езды.

– Гервась, бежим, поймает такси! – сказал Антон, уже в том состоянии жуткого спокойствия, когда в башке – гулкая и звонкая пустота. – Трампира оставим, а если этот шкелет за нами сунется – я его сам на запчасти разберу.

– Бежим, – согласился бромпир. – Анфиска, вызывай из штаба подмогу. Бриони, вылезай!

Естественно, полковник Кадуэт поскакал следом. А чего ж не скакать, когда ни грамма лишнего веса?

Выскочили на Московский проспект. Чтобы не тратить ни секунды, побежали, поочередно озираясь – не замаячит ли вдали такси. Нет, не маячило, и даже личный транспорт весь куда-то подевался.

Время от времени Гервасий Архипович разворачивался и мощным ударом валил сампира на тротуар. Этого средства хватало минуты на полторы.

Кончилось тем, что до Антонова дома добежали, запыхавшись, и никого не обнаружили ни на улице, ни во дворе. А чего еще ждать, когда опоздали больше чем на полчаса?

Антон от бессилия матерился так, что Гервасий Архипович только башкой мотал. Бри-они морщился – обороты были совершенно не гламурные. Полковник Кадуэт же умолял не тратить зря такую качественную злобу, а употребить ее на сильное проклятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.